

ЧЕЛЛЕНДЖЕР

Я Н Р О С С

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ян Росс
Челленджер

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Росс Я.

Челленджер / Я. Росс — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Илья – герой нашего времени. Он хорошо образован, занимается любимым делом, имеет неплохой заработок, понимающих друзей, но при этом безмерно одинок. Он пытается разобраться в себе, в своих отношениях с женщинами, друзьями и неугомонным начальником... Действие романа происходит в американском штате Калифорния. Илья работает в биомедицинском стартапе в Силиконовой долине. Он воспринимает окружающий мир с сарказмом, рассуждает о смыслах жизни, пытается нащупать свой путь далеко не всегда принятыми в обществе средствами. Роман "Челленджер" – о поколении хайтека; тех, кто родился до того, как появилась их профессия. Высокие технологии преобразуют не только окружающий мир, но и своих создателей – поколение Челленджер, детство которого началось со взлёта и гибели космического корабля, и которому слишком знакома внутренняя пустота, сравнимая лишь с Бездной Челленджера – самой низкой точкой поверхности Земли, расположенной в Марианской впадине. Содержит нецензурную брань.

© Росс Я., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Информация	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	54
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Ян Росс Челленджер

Информация

Новая редакция (2021)

Художественное оформление обложки по мотивам скульптуры Александра Милова, фестиваль Burning Man.

ISBN 978-5-9909643-6-5

Сайт автора: yanross.net

Глава 1

Главная цель красноречия – не дать говорить другим.
Луи Вермейль

– Так, так... – пробормотал Ариэль, впиваясь в моё резюме. – Расскажите-ка теперь о себе.

– О'кей. Значит... у меня четыре высших образования. Законченных. И ещё два незаконченных. Мм... самолётостроение и космос, компьютеры, биомедицина, прикладная математика...

– Да-да, вижу, – он наигранно рассмеялся, блуждая взглядом по убористому тексту. – Ну хорошо, и для чего всё это понадобилось?

– Понимаете ли, учась в университете, я любил читать умные книжки, а когда захотел стать совсем умным, принялся за греческую философию. Совсем умным я так и не стал, зато вычитал красивое слово – «естествоиспытатель».

– Что? – оторвавшись от непролазных нагромождений напыщенных терминов, Ариэль в недоумении уставился на меня. – Естествоиспытатель?

– Да, сегодня каждая наука исследует какую-то отдельную сферу. А тогда – там, у них, в Древней Греции, – не было математиков, физиков, биологов... Все учёные были естествоиспытателями и изучали мир как единое целое.

– И что? Из-за этого вы десять лет метались по факультетам?

– В общем... да. Во-первых, я воспринимал науку как способ познания мира и хотел охватить все возможные стороны, – завладев вниманием, я продолжал развешивать лапшу на уши интервьюера. – Во-вторых, мне было интересно. И, в-третьих, это получилось очень естественно. Я занимался мультидисциплинарными проектами и соприкасался с различными технологиями.

Признаться, это была не полная картина. В своей похвальбе я опустил, с чего всё началось. Ввиду запутанных и несущественных для данного повествования обстоятельств, я случайно угодил на инженерный факультет вместо вожделенной архитектуры, о которой имел идиллические представления. Заканчивая школу, я считал себя довольно посредственным учеником. И тот факт, что меня взяли в Стэнфорд, да к тому же на самолётостроение, вселял непередаваемый ужас и уверенность в том, что эта очевидная ошибка вскоре позорно вскроется.

Я боялся точных наук как огня, и единственным спасением казалось, получив хорошие оценки, побыстрее сменить кафедру. Вдобавок в учёбе у меня сложилось конструктивное соревнование с тогдашним другом, о котором ещё упомяну позже. Эти два фактора вынудили перебороть страх и удачно закончить сессию, а там, уверившись в собственных силах, и остаться. Постепенно я обнаглел окончательно и возомнил, что море инженерии и науки мне по колено или, по меньшей мере, взял за правило высказываться в соответствующем тоне.

– Захватывающая история, – Ариэль плотоядно улыбнулся. – Но всё же не слишком? Шесть факультетов...

– Когда я чем-то увлекаюсь, – я развёл руками, – мне не всегда удаётся вовремя остановиться.

– И какие оценки получают при таких метаниях? – продолжил он, не принимая шуток.

– Всё, что закончил, я закончил с отличием.

Помолчав, акцентируя заключительную фразу, я сделал следующее довольно рискованное признание:

– На деле это проще, чем кажется. Система не рассчитана на такие, как вы выражаетесь, «метания», и вместо того чтобы давать результат для каждого факультета отдельно, высчитывает среднюю оценку по всем когда-либо пройденным предметам. То есть, недурно защитив первый диплом, несложно иметь высокий балл и по второму, не говоря уж о третьем.

Интуиция подсказывала, что собеседник способен по достоинству оценить предлагаемый гамбит. Ариэль молчал, пристально рассматривая меня и будто что-то решая.

– Хорошо, – произнёс он наконец. – Очень хорошо. Теперь поговорим о профессиональном опыте. И, пожалуйста, поподробнее.

Я сел на любимого конька и выдал несколько отточенных многочисленными собеседованиями «рекламных роликов» про свои проекты. Ультразвук, компьютерная томография, катетеры для кровеносных сосудов – в совокупности мой предыдущий опыт покрывал все инженерные аспекты данной фирмы, и я прекрасно понимал – это именно то, что ему нужно. Забыв про сжатые в пальцах бумажки, Ариэль всякий раз кивал в такт новым виткам повествования.

В начале интервью говорил он – рассказал о компании и об их инновационных технологиях, заключающихся в изобретённых им самим ультразвуковых сенсорах. Потом пошли расспросы, в ходе которых мне удалось сбить его с толку своим признанием и, во избежание неудобных тем, перейти к «рекламным роликам». Увлёкшись, он так и не задал ни одного технического вопроса. И сейчас, к вящему удовольствию переговаривающихся сторон, мы приближались к развязке. Почувствовав себя уверенно, я перевёл дух и осмотрелся...

В центре кабинета, занимая большую часть пространства, громоздился стол, на котором в гордом одиночестве стоял стильный вогнутый монитор. За столом сидел высокий, мощный, стриженный почти наголо человек лет под сорок с выразительными чертами лица. Глубокие залысины придавали его лбу некую монументальность, подчёркнутую двумя резкими морщинами, восходящими от переносицы. Из-за тесноты и куцости обстановки Ариэль казался несуразно массивным. В его глазах читалась радость непризнанного мыслителя, нашедшего, наконец, брата по разуму.

...Взаимопонимание крепло с каждым новым удачным выражением, буквально переполняя помещение. Ещё немного – и оно грозило выплеснуться наружу, проламывая тонкие гипсовые перегородки. Пора было закругляться, и, сбавляя темп, я плавно переходил к заключительным кадрам, как вдруг Ариэль опомнился.

– Если всё было так здорово, почему же вы каждый раз увольнялись?

Вопрос был задан скорее для проформы, но я старался избегать этой темы, так как предыдущие компании неизменно покидал со скандалом. Поначалу я скрипя зубами терпел окружающее безобразие, но рано или поздно выкладывал очередному начальнику всё, что думал о нём и его организации, и с грохотом хлопал дверью. Мало того, последние три года я вообще нигде не работал.

Однако эти художества от предполагаемого работодателя стоило утаить. Тем более что ему, вероятно, ещё предстоит познакомиться с этой замечательной чертой моего характера.

– Дело в том, – насторожился я, оказавшись на тонком льду, – что на второй работе компания создала пару коммерчески успешных продуктов и, распустив научно-исследовательский отдел, переориентировалась на продажи.

В действительности всё обстояло несколько иначе. Преисполненный энтузиазма, я доделывал проект и надеялся на повышение. Мне импонировало словосочетание Chief Scientist¹, особенно рядом с моей фамилией. Играя ключевую роль в разработке нового продукта, я имел договорённость с генеральным директором о присвоении желанной должности в случае успешного завершения. Но ближе к концу мне вежливо объяснили, что данную позицию должен занимать не талантливый двадцатисемилетний... мм... «юноша», а представительный мужчина лет сорока. В ответ я стал заявляться на работу не чаще раза в неделю, и то лишь после долгих просьб и уговоров. При этом фирма была вынуждена терпеть мои выходы почти год, пока не нашла нового специалиста.

Естественно, знать такие подробности Ариэлю было вовсе не обязательно, и расстраивать его неаппетитными деталями после недавнего духовного взлёта казалось даже несколько нетактичным.

– Собственно, у них так и было задумано. Существующая продукция обеспечивала неплохой доход на ближайшие лет десять.

– Так... понятно, а на первой? – продолжил расспросы Ариэль.

Дальнейшее увиливание от попыток нащупать брешь в моей обороне грозило обернуться потерей доверия, и я решил сменить тактику – перейти от припудренной полуправдой лжи к радикальной искренности.

– Надо признать, мне было сложно ладить с начальником, – я умолк, изображая замешательство. – Имелось множество разногласий... а главное, мы постоянно скатывались в состязания эго.

Ошарашив собеседника новым откровением, можно было вновь направлять разговор в удобное русло.

– Я был юн, вспыльчив и эмоционален... только с университетской скамьи. Кроме того, я был первым его подчинённым, и ему тоже было нелегко. Но при всех неурядицах я понимал, что это гениальный человек. С большой буквы. Его рассказы о физике вдохновили меня поступить на ещё один факультет и получить ещё одну учёную степень. Он...

И, вместо того чтобы говорить о проблемах в профессиональных отношениях, я принялся петь дифирамбы бывшему боссу.

– Ладно, предположим, тогда вы были молоды. А сейчас?

– А сейчас прошло десять лет, и мне хочется верить, что я стал уравновешенней и мудрее.

¹ Chief Scientist – руководитель научного отдела.

Он помолчал, уставившись в незримую точку за моей спиной. Судя по всему, уловка с искренностью прошла успешно, и с этой темой было покончено.

– М-да... А у меня... – вымолвил Ариэль, выйдя из оцепенения. – У меня всё это было... – он махнул рукой и указал в неопределённом направлении, словно приглашая полюбоваться, как всё «это» было у него, – ...совсем не так. Фирма взялась за амбициозный проект, но подход был неправильный, а методы ущербны. Кругом царил полный бардак, и чем больше они пытались навести порядок, тем хуже становилось. А главное, – он жажнул кулаком по столу, – начальник был идиот.

Ариэль взглянул на меня в поиске поддержки. Я кивнул, пряча улыбку.

– Мой начальник был идиот, – воодушевился он. – Я пытался и так и этак, а он... представляешь...

И Ариэль принялся описывать идиотизм своего начальника. Получалось действительно забавно.

– ...и я ушёл, – шумно выдохнув, резюмировал он. – Потом устроился на вторую работу, но там было то же самое. Там тоже был начальник. И тоже неслыханный идиот. Хуже первого. Он беспрестанно выдвигал несуразные требования. Всё делал через ж... Ну ты понял?! Я всё пытался ему объяснить... Впустую! Он не понимал. Был просто не способен...

«Что объяснить? Что он идиот?» – подумал я и еле сдержался, чтобы не приснуть со смеху.

– ...и я снова уволился, – решительно подытожил Ариэль. – И устроился на новую. Там оказалось ещё хуже, а начальник – ещё большим идиотом. Невероятно! Гораздо тупее, чем те два, вместе взятые. Только вообрази, каково?! И опять я пытался, но ни в какую.

Как мы будем из этого выбираться? После титанических усилий провести замысловатую, но не лишённую элегантности кривую между нужными мне фактами – всё «это»? Катком по моим воздушным замкам? Зря я довёл его до такого вдохновения... Тем временем Ариэль был уже на ногах. Энергичными движениями он как бы наваливал в растущую между нами кучу новые и новые аргументы.

– И теперь начальник я! – помпезно провозгласил Ариэль. – Это моя компания. И на этот раз – тут, в моей компании, всё будет, как надо!

Он постоял, сжимая кулаки, потом растерянно огляделся, сел и вытаращился на меня. По сути, его положение было двояким: с одной стороны, он был соучредителем и мог, с некой натяжкой, заявлять, что фирма действительно принадлежит ему; с другой – Ариэль являлся руководителем отдела разработок и именно в этом качестве должен был стать моим начальником. В любом случае, несмотря на растущее раздражение, приходилось лихорадочно подыскивать достойный ответ на это выступление.

– Но вы же понимаете, – начал я уклончиво, – всё «это» скорее связано с формой отношений «начальник – подчинённый», нежели с конкретными личностями. Мне кажется, дело в расстановке ролей, а не в самих людях. Потому что... Ведь я тоже успел поработать в несколь-

ких местах, и в каждом, как водится, был начальник... прямо скажем – не идеальный. И когда я сегодня прихожу на собеседование... В нашей с вами ситуации...

В голове мелькнула мысль о вероятных последствиях, но было уже поздно. Я не мог не закончить.

– Получается, что самым большим идиотом в моей жизни являетесь вы.

Воцарилось молчание. Ариэль коротко хохотнул, потом на секунду умолк и рассмеялся уже искренне и не сдерживаясь. Я с облегчением выдохнул и решил, что с таким человеком будет нескучно работать.

– Ну да, но я, по крайней мере, стараюсь быть не полным идиотом. В худшем случае средним. Ладно... – он сгрёб бумаги. – Вернёмся к делу. Чем вы занимались в последнее время? Вижу – долго не работали. Где вас три года носило?

– Почувствовал, что надо разобраться в себе. Пока я постигал окружающий мир, прыгал и бегал, всё как-то перекошилось в моём собственном.

– И как? Разобрались?

– И да и нет. Это непростой вопрос, во всяком случае, мне больше не кажется, что в моём мире нечто перекошено.

– Понятно. Скажите, сейчас вы закончили самокопания и готовы хорошенько поработать?

– Да. Закончил и готов, – я бессовестно широко улыбнулся.

– Великолепно, свяжемся на днях, – он встал и протянул руку.

* * *

*from: maya@akutra.me
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 05.05.2015
subject: Namaste*

интересная легенда о Сати – первой жене Шивы. Сати очень его любила, с детства мечтала о нём и поклонялась, хотя её отцу – Дакши это совсем не нравилось. впрочем, Шива тоже к тестю почтения не проявлял.

однажды Дакши устроил великий праздник и, разумеется, Шиву не пригласил. Сати жутко расстроилась, заявила на вечеринку, учинила там дебош и потребовала уважения к мужу. отец ответил: «твой супруг – недостойный выскочка и невежа». Сати, естественно, такого снести не могла. поклялась вернуться, когда отыщет на земле родителей, которых сможет уважать, и бросилась в жертвенный огонь, разведённый там для пуцега понта.

Шива осерчал и устроил полный ататуй: папаше голову оторвал, всех, кто был на празднике, перебил и, пригорюнившись, забрался на гору Кайлас оплакивать свою утрату. провёл там тучу лет в аскетизме – сидел, косяки курил и медитировал.

вообще, когда Шиву что-то напрягало, он разносил всё в клочки. как правило, это было из-за эсеницин. каждый раз он почти разрушал вселенную, а потом воссоздавал вновь, разгоняя мрак.

он был любитель снести кому-то башку и приставить новую, притом какую попало. пострадавшему тестю приладил голову козла, а своему сыну Ганешу – голову слона.

Сати, как и обещала, переродилась и вновь стала женой Шивы в облике Парвати.

как-то раз Шива вернулся домой, в то время как Парвати была в ванной с ребёнком. Шива подумал, что с ней мужщина, разгневался, ломанулся туда и сгоряча оттяпал сыночку голову. Парвати крайне огорчилась и сказала, что пока Шива не исправит это безобразие, не подпустит его к себе. тот, недолго думая, выскочил на улицу, увидел слонёнка, отчекрыжил ему башку и приставил Ганешу. Парвати это вполне устроило.

начало их отношений тоже забавно. друзья Шивы решили, что тому пора жениться, и послали бога любви прервать его медитацию. забравшись на гору, тот принялся распевать оды любви, пока Шива не испепелил его. это происшествие несколько взбодрило Шиву, и интерес к женщинам у него возродился, а восточного купидона впоследствии откачали.

преданий, конечно, хватает, но общий мотивчик прослеживается – хаос и разрушение. индусы утверждают, что таким образом Шива создаёт пространство для новых творений.

я тоже к нему равнодушна. таскалась, собирала рудракиши, бусы плела, повешала на всех друзей, и сама почти не снимаю. рудракиши – это косточки гималайской оливы – священный атрибут, олицетворяющий слёзы Шивы.

вот и всё. посадка заканчивается. улетаю из города смерти – Варанаси. согласно поверью, если человек умрёт здесь, его душа не переродится и он выйдет из колеса Сансары. но так как скончаться в этом чудесном местечке мне не посчастливилось, приходится перевоплощаться дальше, и я отправляюсь в Катманду...

OM namah Shivaya!

P.S. с тех пор именем Сати называют похоронную традицию, когда вдова восходит на погребальный костёр вместе с усопшим супругом.

** * **

Среда. Середина дня. Стеклопанная дверь, наклейка с надписью BioSpectrum. В ответ на звонок из кабинета появился Ариэль и, поприветствовав меня издали, размашисто потопал открывать.

– Проходите, – он указал на дверь. – Сейчас Харви позову.

Стол, монитор, три стула: один – за столом Ариэля; напротив, прямо перед входом, – ещё два. Странная диспозиция. На сегодня основной оппонент – директор, и, сидя рядом, обращаться к нему будет неудобно.

Я переставил стул в торец стола. Сел. В который раз прокрутил в уме заготовленные наработки. Оставалось подгадать момент.

Вошёл сухопарый человек с как бы унифицированной до безликости внешностью, на вид чуть старше Ариэля. Поздоровался, сел.

– Это Харви – генеральный директор. – Ариэль протиснулся мимо, бухнулся в кресло и развернулся к нам. – Илья – специалист по алгоритмике. Окончил все факультеты Стэнфорда, на которые смог записаться. Зачем он это сделал, нам вряд ли удастся понять. Илья утверждает, что так принято в Древней Греции.

Ариэль расхохотался. Харви покосился на него и внёс пометку в блокнот. Кажется, с Грецией я погорячился. Ничего не оставалось, кроме как вежливо улыбнуться.

– Как бы то ни было, у него обширный опыт разработки медицинского оборудования. Илья, расскажите вкратце, чем вы занимались.

Я принялся за «рекламные ролики» и спустя нескольких вступительных фраз перешёл к перечислению базвордов. Buzzwords – это новомодные звучные термины. Когда необходимо быстро произвести впечатление, можно просто закидывать ими собеседника вплоть до полного очумения.

После особо удачных оборотов Ариэль гордо поглядывал на Харви, словно мои успехи являлись результатом его стараний. Энергично жестикулируя, он как бы помогал информации переключившись от меня к директору. Несмотря на нарочито сосредоточенный вид, складывалось впечатление, что Харви мало интересовали мои словоизлияния. Лишь бы Ариэль был доволен да новый работник за рамки не выступал. Не слишком выступая «за рамки», я подбирался к середине второго ролика:

– ...а из собранных точек выстраивается трёхмерная реконструкция сердца, – вещал я. – Визуализация импульса внутри стенок миокарда и...

– Да-да, я же тебе показывал! – Ариэль щёлкнул пальцами.

И он принялся рассказывать об ультразвуковой системе, которую я когда-то разработал. Я умолк, не желая мешать начальству делать мою работу. Теперь уже я согласно кивал и жестикулировал, поддерживая Ариэля. Посматривая то на меня, то на него, Харви коротко чиркал в блокноте. Едва Ариэль стал выдыхаться, я уцепился за удачно подвернувшееся слово «томография» и перешёл к последнему ролику. Ариэль вновь быстро перехватил инициативу. Когда он угомонился, я припечатал:

– И вот я здесь, – с ходу ничего лучше придумать не удалось, а подытожить чем-то эту прочувствованную речь было необходимо.

Ариэль сиял, как новенький гаджет, и важно поглядывал на Харви, заговорившего об окладе. Начальная ставка в двести тысяч в год виделась директору вполне соответствующей предлагаемой должности.

– За две сотни я работать не буду, – отрезал я.

Запрошенная мной сумма, стал объяснять он, перемежая аккуратные фразы прослойками чётко выверенных интервалов, выходит за рамки бюджета. Получив очередной отказ,

Харви предложил сойтись посередине, посулив в течение полугода поднять зарплату до названной суммы и возместить разницу в виде бонуса.

– Хорошо, – Харви занёс числа в блокнот. – Нам важно время. Когда вы можете приступить?

– Хотя сегодня, – объявил я, дождавшись именно того, что мне было нужно. – Но есть одна важная... мм... вещь. В такие темы не принято вдаваться на собеседованиях, но я хочу, чтобы у нас складывались доверительные отношения, и поэтому сейчас буду говорить о любви.

Харви улыбнулся чуточку шире вежливого минимума и вновь принял невозмутимый вид. Ариэль склонил голову набок и обескураженно вытаращился.

– Долгое время я был один, – продолжил я, – и недавно встретил женщину, с которой хочу быть. Но она, как, собственно, и я, живёт в LA² и не может внезапно переехать в другой город, потому что у неё есть сын, и она его очень любит.

Брови Ариэля постепенно приподнимались, Харви же довольно успешно боролся со своей улыбкой.

– Я в непростой ситуации. С одной стороны, то, что Ариэль рассказал о вашей фирме, производит впечатление. Меня интересуют и кардиология, и ультразвук, и я буду рад принять ваше предложение. С другой, мне важны новые отношения, и я не хочу оказаться в ситуации, где буду вынужден выбирать.

– Так в чём проблема? – Ариэль подался в мою сторону. – С какой стати одно должно мешать другому?

– Расстояние... сами посудите: на машине туда-сюда – нереально. Значит, придётся летать. То есть ехать с работы в аэропорт, потом лететь, потом снова ехать. И пока я буду летать и ездить, она будет уже крепко спать, так как утром ребёнка надо вести в школу.

– Так встречайтесь со своей любовью по выходным!

Ариэль взмахнул рукой, устраняя досадную помеху с нашего совместного пути в счастливое будущее мировой кардиологии.

– Видите ли... в субботу моя подруга работает, а в воскресенье хочет уделять время ребёнку. И с этим трудно спорить.

– Хорошо, – помолчав, промолвил Харви. – Что вы предлагаете?

– Думаю, стоит пойти друг другу навстречу, – поставив локти на стол, я скрестил пальцы. – У вас сроки, у меня любовь. Я знаю, как сделать, чтобы все были happy – и вы, и я. Предлагаю договориться так: первые три месяца я работаю четыре дня в офисе и один дома.

Не сказать, что моя идея пришлась по вкусу, но возражать они не спешили, и я продолжил развивать успех, описывая преимущества работы на дому, где имеются все условия для продуктивной инженерной деятельности, где некому меня отвлекать и куда не нужно добираться через полштата.

² LA – Лос-Анджелес.

– В таком случае – могу начать, когда вам угодно, – я откинулся на спинку стула. – Либо мы забываем этот разговор и договариваемся, как это и принято, о старте спустя месяц, а за это время я самостоятельно разбираюсь со своими делами.

Харви вопросительно взглянул на Ариэля, тот пожал плечами.

– О'кей, – уступил директор, – постарайтесь поскорее решить этот вопрос. Ариэль, когда ты хочешь, чтобы он вышел на работу?

– Вчера, – хохотнул Ариэль.

– Спасибо, что пришли, – Харви отложил блокнот. – Завтра вышлем черновик контракта, к понедельнику всё оформим, и сможете приступать.

Спускаясь по лестнице, я праздновал победу. Эх, – мелькнула шальная мысль, – надо было запросить два дня...

Глава 2

В книгах нечего ловить и нечего искать. Их сочиняют для того, чтобы превратить неорганизованное людское стадо в организованное. Прочитав книги, люди глупеют окончательно, и тогда с ними можно делать всё что угодно.

Андрей Аствацатуров

Проснувшись от настырно повторяющихся звонков, подсакиваю и хватаю телефон.

– Алло?

«Первый день работы», – единственная чёткая мысль, которой удаётся оформиться в моей голове. Смотрю на экран – 7:46.

– Это твой новый начальник Ариэль. Ты где?

– Я... я в постели.

Повисает молчание, и я чувствую – необходимо что-то добавить.

– Дома, – хрипло сообщаю я, протирая заспанные глаза.

– Почему ещё не в пути?! Мы же договорились, что ты прибудешь в девять!

– Мы о времени не договаривались.

– Вот как? Хм... Вообще, я и сам прихожу поздно, так что это даже удобно.

Я наскоро собираюсь и завожу свой Challenger³. Мимо проносятся опрятные домики. В зеркалах, слепя глаза, поблёскивает весеннее солнце. Ветвистые трещины на мостовой аккуратно залиты гудроном. Выруливаю на Pacific Coast Highway, полчаса – и я на парковке аэропорта. Миновав автоматические двери, озираюсь в поисках регистрационной стойки и сквозь гомон толпы различаю знакомые голоса.

– Сэр, не соблаговолите поделиться адресом вашего портного?

Вразвалочку приближается пёстрая тройца чудесных раздолбаев – группа «Bizarre»⁴ ... чего-то» во всей своей неизъяснимой красе.

– Эк вырядился! – Ли скалит зубы на мой костюм. – У тебя что – суд или похороны?

– О-ля-ля, зачётный галстук! – под дружный гогот приятелей Майк отвешивает галантный поклон. – Прошу прощения, сэр, я не совсем компетентен в данном вопросе: скажите, это виндзор или полувиндзор?

– Чего? – рассеянно бормочу я, пытаюсь уследить за потоком их неудержимого веселья. – О чём ты?

– Не бери в голову. Давай лучше дунем!

³ Challenger – полуспортивный автомобиль компании Dodge (классический muscle car).

⁴ Bizarre – причудливый, экстравагантный.

Майк, который, естественно, никакой не Майк, а Миша – еврейский мальчик-шалопаи из Питера – является предводителем этой шайки. Живут все трое в особняке Эда в Малибу, где и находится их студия. Играют своеобразный микс этнической и электронной музыки. Когда на Ли накатывает вселенская тоска, в этот винегрет примешиваются средневековые напевы и готика. Эд – большой весёлый американец из состоятельной семьи, чего он стыдится, вращаясь в околomuзыкальных кругах, где модно слыть оборванцем. По собственному мнению, настоящим талантом он не обладает и с благоговением смотрит на людей, как-либо причастных к искусству.

– А чувачки в синем? – я киваю в сторону охранников.

– Так у нас справки⁵, – подмигивает Ли.

На улице Майк неуловимым движением фокусника извлекает два здоровенных косяка.

– Э-э... У вас-то справки, а мне бы улететь без приключений, – увлекая их за собой, я направляюсь за угол.

– Не бойсь, профессор. Затянешься – и сразу улетишь.

Ли – негр, то есть афроамериканец, у него широкая улыбка, и, кажется, в голове постоянно играет регги, хотя по их музыке этого не скажешь.

– Так куда ты намылился в эдаком прикиде? – Миша протягивает косяк, а второй раскуривает сам.

– У-у! Сегодня поистине историческое событие! – гордо выпятив грудь, выпускаю дым поверх их голов. – Я начинаю работать!

– Менеджером в Бургер Кинг?

Я пытаюсь отшутиться, но словесный водоворот неумолимо влечёт их всё глубже и глубже.

– Интересно, сколько это продолжится... – хохочет Майк. – Поди, месяц-другой – не больше.

– Да какой там! – не унимается Ли. – Недели три от силы!

– Максимум четыре, – вставляет свои пять копеек Эд.

Отсмеявшись, они наперебой выдвигают гипотезы, что произойдёт раньше: я уволюсь или меня выгонят. Дождавшись, пока все выскажутся, я решаю, что самое время сворачивать эту животрепещущую дискуссию.

– Так, понятно, – говорю резче, чем хотелось бы. – Вас-то как сюда занесло?

– Ах, видите ли, сэр, – принимается за своё Миша, – мы держим путь к берегам туманного Альбиона. То бишь в его столицу.

– Турне по ночным клубам Сохо, – подхватывает Ли. – Выступим, попьём клёвого пивка и обратно.

⁵ В описываемое время в Калифорнии, имея соответствующую медицинскую справку, можно было приобрести каннабис в аптеках. С ноября 2016 года марихуана в Калифорнии легализована.

Заслышав очередное объявление, приглушённо доносящееся из павильона, вспоминаю о времени.

– Ладно, хороших гастролей. Пойду регистрироваться, пока не развезло.

Попрощавшись, спешно направляюсь к входу, как вдруг меня озаряет, я оборачиваюсь и кричу:

– Эй, клоуны, какой Лондон?! Это же терминал для внутренних рейсов!

Они растерянно оглядываются на Майка.

– Вам в меж-ду-на-родный!

* * *

Самолёт Bombardier Q400 компании Alaska Airlines. Оснащён двумя турбовинтовыми двигателями, крейсерская скорость 667 км/ч, размах крыла 28 метров, максимальная взлётная масса 29¼ тонн, максимальная посадочная – 28.

Миром правит наука. Даже не так – наше бытие практически целиком и полностью определяет наука. Если бы не наука, то мы с вами не пребывали бы в комфортной обстановке, сытые, удобно одетые и обутые, а торчали бы в какой-нибудь дремучей чащобе, кутаясь в провонявшие обрывки шкур, каждую ночь зверея от холода и доедая подгнившую требуху позавчерашней добычи. Хотя и такие деликатесы были бы редкостью, так как в рационе лесных жителей преобладали жуки и личинки, выковырянные из трухлявой коры, вприкуску со мхом того же происхождения. Да и вообще, охотники-собиратели часто не доживали до нашего с вами возраста. Но, слава науке, мы ещё не окочурились, а благополучно выбрались из каменного века и столько всего наворотили, что мир уже конкретно трещит по швам.

Над головой зажглись лампочки, все дружно пристегнулись и самолёт принялся выкручивать на взлётную полосу.

Достоевский утверждал, что красота спасёт мир. Красота всегда казалась непостижимой и таинственной. Художники, композиторы, поэты, писатели веками искали её формулу. А математики нашли и выразили её простым уравнением. И сейчас, вопреки уставу научной гильдии, я поведаю вам эту страшную тайну.

Красота – это непрерывность второй производной. Всё до отвращения просто. Производная – это скорость изменения. А вторая производная – это производная производной. Её непрерывность гарантирует непрерывность изгиба линии, то есть определённый уровень гладкости. И именно по этой причине сегодня всё такое округлое и пухлое.

Оглядитесь, посмотрите на нынешнюю эстетику плавно изогнутых форм. И это совсем не случайно, ведь сами графические программы для дизайнеров по умолчанию используют линии, состоящие из Би-Сплайн-функций. Только не пугайтесь. Би-Сплайн-функции – это функции, построенные по принципу сохранения непрерывности второй производной. И потому любая деталь, нарисованная современным дизайнером, неминуемо будет пухлой и гладкой.

Под крылом проплыл Лос-Анджелес, рассечённый широкими магистралями на ровные квадраты. Поблёскивая кромкой прибой, простирался до горизонта Тихий океан.

А углы, спросите вы, как же углы? Как же прямые линии? Вы хотите судорожно ухватиться за такой родной и всеми нами любимый уголок двадцатого века, за этот последний ускользящий краешек. Но я вам не дам. Углы – это анахронизм, неудачная попытка воплощения абстрактной идеи. Это зверьё никогда в природе не водилось, их внедрили где-то в процессе индустриализации.

Большинство физических явлений создают формы, обладающие непрерывностью второй производной, и поэтому природа представляется нам красивой. Даже скорее наоборот, ведь изначально мы черпаем представление о красоте у природы, и гладкость второго порядка не может не казаться красивой. В прошлом веке мы попробовали создать новую эстетику углов и прямых линий, но угловатость быстро вышла из моды, и, полагаю, скоро окончательно вымрет, кроме некоторых неизбежных случаев.

В недрах сумки начинает истерически трезвонить мобильник. Пожилая женщина с всклокоченной, будто её шарахнуло молнией, ядовито-красной шевелюрой, негодуяще обращается в мою сторону.

– Что происходит? Ты ещё не приехал?

– Это возмутительно! Немедленно выключите сотовый телефон! – бабулька машет на меня костлявыми пальцами.

– Я в самолёте, – отворачиваясь к окну, делаю успокоительные жесты свободной рукой.

– Молодой человек, вы подвергаете опасности сотни людских жизней! – заходится старушечья.

В проходе возникает стюардесса.

– Ариэль, надо заканчивать. Скоро буду.

Вырубив телефон, демонстративно засовываю его обратно в сумку.

– Прошу прощения, мэм, самолёт Bombardier Q400 рассчитан...

Я хотел съязвить, что Bombardier Q400 рассчитан максимум на восемьдесят пассажиров, но внезапно с пронзительной ясностью, характерной осмыслению самых банальных истин, понимаю, как глупо затевать спор с пожилой женщиной в поисках предлога блеснуть эрудицией.

Находясь под впечатлением далеко не в первый раз сделанного открытия собственной склонности к пижонству и мелочности, пялюсь на крыло самолёта, рассеянно отмечая, как недовольно бухтит бабулька, как вторит ей сидящая рядом подружка, и старается добиться моего внимания стюардесса. Слушая её вполуха, продолжаю коситься в иллюминатор, где взгляд притягивает некая несообразность... и тут меня снова озаряет.

– Послушайте, мисс... мм... – я читаю имя на планшете, прикрепленном к её груди. – ...Грейс, у вас торчат закрылки.

Она отстраняется, и я, подавив неуместный смешок, пытаюсь исправиться:

– Кхм... то есть не у вас, конечно, а там... – я тычу в стекло. – Не закрыты закрылки.

Для наглядности я пару раз взмахиваю кистями рук.

– Не задвинуты, – добавляю, окончательно смутившись. – Пилот забыл закрыть.

Тут до неё доходит, и, дивясь скудоумию клиентуры, она терпеливо увещевает меня, заверяя, что полёт протекает нормально и нет никаких причин для беспокойства. Она говорит, что их авиакомпания функционирует в соответствии с наисовременнейшими стандартами безопасности, их техобслуживание самое что ни на есть прогрессивное, а уж профессионализм пилотов... для подкрепления своих слов она демонстрирует незаурядные мимические способности. А я, собравшись с мыслями, втолковываю ей, что я инженер-авиаконструктор и знаю, о чём говорю, хотя после махания крылышками, поверить в это довольно сложно.

– Поймите правильно, – примирительно произношу я, уже жалея, что ввязался, – закрылки не критичны для этой вашей безопасности, разве что расход топлива...

После ключевого слова «безопасность» она принимается успокаивать меня с удвоенным усердием. Спор затягивается, бабулька негодует, пассажиры ёрзают, озираются.

– Хорошо, спасибо, немедленно доложу о вашем... эм... наблюдении, – поджав губы, стюардесса удаляется в сторону рубки.

Бабулька глядит победоносно, будто после этой выходки меня высадят прямо здесь. Тем не менее закрылки почти сразу задвигаются и появляется Мисс Грэйс.

– Вы оказались правы, – говорит она слегка сконфуженно. – Пилот хочет отблагодарить вас.

Она снова уходит и возвращается, неся поднос с бутылкой шампанского. Я польщён. Однако благоразумие подсказывает, что алкоголь поверх травы за час до начала рабочего дня будет явно лишним. Но и отказываться от красивого жеста тоже неловко.

– Дело в том... Понимаете, я сейчас никак не могу... Хотя... – мне, наконец, удаётся найти решение. – Передайте это во-он той даме, – киваю на блюстительницу авиационных правил. – И ещё бокал для её спутницы, пожалуйста.

Так, с самолётами разобрались, с женщинами, кажется, тоже, теперь ближе к телу. Мы обсуждали взаимосвязь между гармонией и алгеброй и их влияние на нашу судьбу. Атеросклероз – закупорка сердечных сосудов является основным фактором риска возникновения инфаркта миокарда. К концу двадцатого века атеросклероз становится первой причиной смертности в западном мире, и, судя по всему, этот показатель будет только расти с увеличением продолжительности жизни.

Последние десятилетия основное количество копий в медицине ломаются на подступах именно к этому вопросу. Реки финансовых ресурсов изливаются на всевозможные исследова-

ния, и полчища специалистов ежедневно идут на штурм этой цитадели. Я в передовых рядах этого движения: разрабатываю аппаратуру для диагностики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний, и большинству из нас предстоит оказаться на операционном столе, оснащённом моими приборами, если не посчастливится загнуться раньше по какой-либо глупой случайности.

Считается, что сосуды начинают закупориваться с момента рождения, но, полагаю, дела обстоят даже хуже: наши сосуды закупориваются ещё в утробе. Едва у зародыша появляется кровеносная система, – всё, каюк – сосуды начинают закупориваться.

А тем временем всякие очковтиратели внушают нам: не ешьте холестерин, не курите и неустанно занимайтесь спортом. И в чём-то они, несомненно, правы. Но, во-первых, по сей день никто достоверно не знает, от чего этот самый атеросклероз возникает и как развивается. А во-вторых, даже если вы соблюдаете все указания и, кроме того, печётесь о диете, регулярно прочищаете чакры и постоянно находитесь в полной моральной, душевной и физической гармонии так или иначе сосуды неумолимо закупориваются. Впрочем, вероятно, несколько медленнее. И, очень постаравшись, возможно, удастся отсрочить свидание с тем самым операционным столом, на который вы всё равно попадёте. Если, конечно, вовремя доvezут.

...Самолёт начал снижаться, выдвинулись обратно закрылки, и вновь зажглись лампочки, требующие пристегнуться. Раздалось слаженное щёлканье. Старушечки, выхлебав шампанское и не на шутку раздухарившись, перешёптываются, хихикают и делают мне ручкой. В иллюминаторе – утопающие в зелени окраины Сан-Хосе⁶, увитые причудливым переплетением автомагистралей. Лайнер делает широкую дугу, и вдали сквозь дымку утреннего тумана искрится бирюзовой гладью залив Сан-Франциско.

Далее, о свиданиях со столом. Предположим, пациента благополучно доvezли. Залитая светом софитов операционная сияет стерильной чистотой, перемигиваются индикаторами приборы и суетятся расторопные медсёстры. Может показаться, что непосредственным лечением будет заниматься вон тот улыбочивый или хмурый, или мудрый и опытный учёный эскулап. Но, увы, врач всё больше становится декорацией и лицом, несущим юридическую ответственность.

Уже сегодня роль медика во многом сводится к обслуживанию машины. Разумеется, плохой врач может неверно эксплуатировать оборудование. Но хороший в лучшем случае правильно использует инструмент, данный ему инженером. И улыбается, говорит вкрадчивым голосом либо наоборот, сильным и уверенным, создавая иллюзию, что нас лечит человек, которому мы небезразличны. Но, по сути, это ширма, красивый обман, чтобы было легче смириться с тем, что наше здоровье, а может и жизнь, в этот страшный момент зависят от компьютера.

В аэропорту покупаю кофе, включаю мобильник и слышу звук входящего сообщения. «Проверю потом», – решаю я, выхожу из здания, сажусь в такси. Звонок. Я отхлёбываю, чтобы не расплескать, и опять достаю телефон:

- Илья, это Ариэль. Я тебя ищу, почему не отвечаешь?
- Ариэль, я был в самолёте.
- И что?!

⁶ Сан-Хосе – самоназванная столица Силиконовой долины.

- Пожилые женщины требовали...
- Причём тут женщины? Ты вообще где? Почему тебя ещё нет?
- В такси. Буду через пятнадцать минут.
- Поспеши, я жду.

Возвращаясь к науке и красоте. Естественно, всеобщая компьютеризация происходит не только в медицине. Технологический прогресс проникает во все слои нашего повседневного существования, определяя образ жизни, быт и досуг. А культура и её венец – искусство, как стремление к духовной красоте, которую имел в виду Достоевский, не более, чем надстройка на здании науки и техники. Милая сердцу отдушина, сквозь которую видно небо, но всё же надстройка, пентхаус на крыше громадного небоскрёба цивилизации. И хотя прекраснодушные мечтатели могут возразить, что всё здание строится именно ради этой мансарды, едва ли это так. Ведь небо видно одинаково хорошо и с земли, и со сто пятьдесят пятого этажа.

Да я бы и сам хотел согласиться с Фёдором Михайловичем, но вот смотрю на небоскрёб и на мансарду, соизмеряю масштабы, и вывод очевиден: как ни прискорбно, приходится признать, что тенденция безостановочного наращивания новых ярусов не имеет никакого отношения к стремлению приблизиться к небу. И единственная цель строительства этой колоссальной конструкции – возвыситься над окружающим ландшафтом.

Расплатившись, вхожу в здание, вызываю лифт. Конопля почти выветрилась, я полон сил и готов к действию. Сейчас мы будем строить верхний этаж, самый близкий к мансарде, ну и как бы к небу.

* * *

Стеклянная дверь. Наклейка. Из комнаты в конце коридора с непринуждённой грацией молодого гиппопотама выскочил Ариэль.

– Добро пожаловать в компанию BioSpectrum! – он стиснул и потряс мою ладонь. – Сначала поговорим, потом всё тебе покажу.

Ариэль посторонился, указывая в направлении кабинета. Из-за его спины появилась девушка с короткими, высветленными до белизны, волосами и очками с тонкой оправой. Прощмыгнув между нами, она сдержанно улыбнулась, но в брошенном вскользь взгляде мелькнуло что-то лукавое.

– Садись. – Ариэль проследовал на своё место. – Первым делом условимся о времени прибытия на работу.

– Конечно, когда вы хотите, чтобы я приходил?

– В принципе... – он поскрёб иссиня-выбритую скулу. – Мне неважно. Преимущественно ты будешь работать один, поэтому можешь выбрать удобные для себя часы. Главное, чтобы всё было согласовано и организовано на профессиональном уровне.

– Хорошо, я прикинул с полётами... давайте в одиннадцать.

– Одиннадцать? Великолепно. Люблю решать всё исходя из обоюдного понимания и согласия. Таким образом, будет легко придерживаться договорённостей и не придётся снова возвращаться к одним и тем же вопросам.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

– Итак, к делу, – я подготовил материалы по ультразвуку, датчикам и обработке сигналов, – он бухнул на стол изрядную кипу бумаг. – Это последние публикации. Ещё несколько статей на флешке, – Ариэль выдрал диск из USB-порта. – Распечатаешь потом.

– О'кей.

– Флешка твоя. Подарок.

Я кивнул.

– Там книги и парочка учебников на случай, если надо освежить знания.

– Хорошо, начну со статей, а потом...

– Прекрасно, если что-то неясно – приходи, спрашивай. Нет смысла терять время на мелочи и условности, я всегда рад помочь.

– Спасибо.

– Замечательно... Так... – он энергично потёр ладони. – Что ещё? А, вот... Сегодня не успел, но завтра сделаю доступ к университетской электронной библиотеке. Или у тебя остался?

– Нет, спустя года два они таки собрались с мыслями и прикрыли.

– Понятно, тогда пробью по своим каналам, – Ариэль заговорщицки ухмыльнулся и хлопнул по крышке стола. – Великолепно. Идём, покажу твоё временное место, на днях организуем что-нибудь поприличней.

В конце коридора три двери: направо кабинет начальника, налево комната с железными столами, заставленными аппаратурой. Ариэль махнул на среднюю. Мы вошли. Двое работников фирмы BioSpectrum подняли головы и взглянули на меня, потом на него.

– Это Геннадий – ответственный за механику и электронику.

Ариэль указал на мужчину лет шестидесяти в очках типа гомо советикус.

– Стив – интеграция, эксперименты, контакты с субподрядчиками.

Высокий худощавый парень улыбнулся и приветливо кивнул.

– Илья – инженер всего чего ни попадя и космоса.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Геннадий, тебе нужен сегодня компьютер? – бросил Ариэль и, не дожидаясь, продолжил: – Мы им воспользуемся.

Геннадий закрыл браузер, свернул окно электронной почты и отодвинулся на другой конец стола, где оборудована компактная мастерская. Аккуратно развешаны инструменты, под рукой – разогретый паяльник, стеллажи ячеек для мелких деталей и увеличительное стекло с подсветкой на шарнирном штативе.

Я сижу у открытой двери в коридор, за спиной Стив перебирает таблицы, разграфлённые на цветные блоки. Периодически делает звонки по телефону, говорит лаконично, внимательно слушает ответы, благодарит, прощается и возвращается к таблицам.

Внезапно в проёме материализуется могучая фигура Ариэля:

– Илья, всё в порядке? – он требовательно смотрит на меня сверху вниз.

Стив и Геннадий оборачиваются.

– Да, всё о'кей.

– Что ты делаешь?

«В каком смысле?» Я слегка теряюсь.

– Я читаю.

– Великолепно, если что неясно – не стесняйся.

Он хлопает меня по плечу и выходит. Все возвращаются к прерванной деятельности. Через пару минут Ариэль снова на пороге:

– Илья, тебе нужно в туалет?

Стив оборачивается, Геннадий продолжает паять.

– Уборная рядом с лифтом. Идём.

У входа дощечка, в неё вбит гвоздь, на нём ключ.

– Не забывай вешать на место, это стратегический ресурс.

Хохотнув, Ариэль снимает ключ и выходит. Я возвращаюсь в комнату. Полностью освоить научные статьи с первого раза практически невозможно, тем более в таком количестве. Я внимательно читаю аннотацию и введение. Полистав теорию и присмотревшись к графикам, перехожу напрямиком к выводам и заключению.

Девочка лет четырёх корчит мне с десктопа смешную рожицу.

– Ваша внучка? – обращаюсь я к Геннадию.

– Да, они с дочкой живут в Сакраменто.

Вдумчиво помолчав, он задаёт обязательный в такой ситуации вопрос:

– Вы откуда?

– Из Минска.

– А-а-а... – он многозначительно кивает.

У меня, конечно, тоже есть устоявшиеся ассоциации, связанные с названиями крупных городов нерушимого союза свободных республик и некими характерными чертами их обитателей, но что думает человек, слыша это моё «из Минска», я не очень себе представляю. Однако ритуал требует завершения, и я продолжаю ещё более банально:

- А вы?
- Из Москвы.

Знакомство состоялось. Удовлетворённые содержательным диалогом, мы возвращаемся к своим делам. Геннадий что-то неторопливо подтачивает и паяет. Добродно и с удовольствием. Закончив использовать очередной инструмент, кладёт на место и рассматривает полученный результат сквозь линзу увеличительного стекла. Стив всё так же сосредоточенноковыряется в таблицах.

С треском распахивается дверь, и появляется Ариэль:

- Илья, что ты делаешь?
- Читаю.
- Что читаешь?
- Статьи.

«Какого чёрта? Он дал статьи, сказал читать – я читаю».

- Вы дали мне книги и статьи, я читаю.
- Превосходно. Всё понимаешь?
- Более или менее...
- Есть вопросы?
- Нет, я тут как раз посередине... – я делаю неопределённый жест. – Ещё не сложилась общая картина.
- Если что непонятно – моя дверь всегда открыта.

Ариэль выходит, ныряет в кабинет и захлопывает дверь. Из-за стены почти сразу доносятся длинные гудки, голос в спикере, звук срываемой трубки и напористый бубнёж. Выждав немного, Стив оборачивается:

- Не обращай внимания, он всегда такой... на первых порах.

Прошёл день, работники разошлись. Я, уже порядком опухший мозгами, продираюсь сквозь дебри очередной публикации. В который раз врывается Ариэль:

- Что делаешь? Читаешь? Как идёт?
- Я...
- Нет времени, в другой раз. Когда собираешься прибыть на работу?
- В одиннадцать.
- Одиннадцать? Великолпно! До завтра.

В начале девятого я собрался и вызвал такси. В аэропорту наспех перекусил китайскими куриными ножками. Напряжение неохотно отступало, сменяясь заторможенностью и приятным оцепенением.

Проснувшись во время приземления, миную охранников, турникеты, стеклянный павильон, лабиринт парковки, и вот я в своей машине. Вечерние улицы проплывают за окном под фортепианный джаз. Сейчас дом, душ и постель.

Глава 3

Главным врагом искусства является хороший вкус.
Марсель Дюшан

Шаря в поисках будильника, проклиная повседневную реальность, продолжающую радовать свежими переживаниями. Любовь к ранним побудкам никогда не была мне свойственна, а вставать по часам и вовсе давненько не доводилось. Хочется вырубить адское изобретение, повернуться на другой бок и завалиться спать дальше. Зарывшись в одеяло, наслаждаюсь последними сладкими мгновениями. Впереди – дорога, утренний бриз, солёный воздух, стекло и металл терминала и Bombardier с закрылками, небо в клочьях ватных облаков, гладкая поверхность океана и новый начальник Ариэль.

После часового перелёта лайнер заходит на посадку, раздаётся звонок телефона, и пассажиры озираются. Взгляд на экран. Так и есть: «Ариэль», – произношу я вслух, будто выигрывая у себя безмолвный спор, и спешно выключаю мобильник.

По прибытии я, как большой, самостоятельно минуя дверь с наклейкой, пользуясь магнитной картой с логотипом и стилизованной надписью BioSpectrum. Из застеклённой комнаты выплывает высокая стройная женщина с длинными волосами.

– Привет, я Кимберли, – она протягивает руку, – административный директор компании.

Административный директор (в простонародье – секретарша), сияя образцовой улыбкой, приглашает уладить бюрократические формальности. В конце коридора появляется Ариэль:

- Который сейчас час? – требовательно вопрошает он вместо приветствия.
- Одиннадцать десять.
- Необходимо поговорить, идём в кабинет.

В узком коридоре нам троим вкупе с внушительным бюстом административного директора довольно тесно, и, будучи зажатым между начальником и секретаршей, я чувствую себя несколько неловко. Кимберли переводит прицел своей улыбки на Ариэля, вкрадчиво мурлычет пару слов, и тот ретируется.

Улаживание формальностей в исполнении Кимберли оказывается процессом стремительным и неудержимым. Насилу успеваю следить за её действиями, я кивал и расписывался, где требовалось. Ей было лет сорок, но выглядела она молодожаво и подтянуто. Упругая кожа без единой морщинки, холёные ногти, ни щербинки, ни царапинки. Мулатка, безупречностью вида напоминающая дизайн фирмы Apple.

– О, наконец-то! У нас масса работы, – взбудоражился Ариэль, когда я постучался. – Но прежде – во сколько ты прибыл?

- В начале двенадцатого.
- Мы договорились на одиннадцать.
- Да... Пришлось ждать такси, потом пробки...
- Постарайся впредь не опаздывать. Теперь к делу: я организовал доступ в библио...

Кстати, – он вскочил, – жди здесь.

Исчезнув, он в очередной раз оставил меня в лёгком недоумении.

– Держи! – вернувшись, Ариэль протянул ноутбук. – Не новый, но на первых порах сгодится.

Вслед за начальником семенил шустрый азиат с курчавым хвостиком под лысой макушкой.

– ...практически всё почистил, – он бочком протиснулся внутрь, – только вот...

– Потом, – отмахнулся Ариэль. – Когда придёт стационарный компьютер?

– Утром ещё раз звонил, обещали...

– Кстати, – снова перебил его Ариэль, – это Тим Чи, знакомься.

Я встал и протянул руку. Ответив вялым пожатием, Тим помедлил, переминаясь с ноги на ногу, и пошёл восвояси.

– Подыщи себе новый, проверь, посоветуйся... – тем временем продолжал Ариэль. – И без ложной скромности – бери лучший. Так, что ещё? Чем занимаешься?

– Читаю статьи, – отчеканил я.

– Великолепно! У меня всё. Увидимся позже.

* * *

Около полудня Стив позвал всех обедать, и вскоре наша небольшая компания собралась у лифта. По дороге мы познакомились. Вчерашнюю загадочно улыбающуюся девушку с короткими волосами звали Ирис. На вид ей было лет двадцать восемь. Она сдержанна и предупредительна. Девочка, которая своими пальчиками ничего не трогает. Но может.

– В округе имеется широкий выбор кафе и ресторанов, – с интонацией гида произнесла Ирис, когда мы вышли из здания.

– Я хочу в Black, – капризно потребовала русская девица кукольной наружности. – Давайте в Black.

По её тону сразу стали ясны две вещи: во-первых, ни в какой Black никто не пойдёт, и ей это заведомо известно; а во-вторых, отчётливо вырисовался характерный, легко узнаваемый типаж, определение которого мне никогда не удавалось выразить словами, но почему-то стойко ассоциировавшийся с именем Марина.

– Меня зовут Татьяна, – гордо заявила она, выговаривая своё имя на американский лад. – Я студентка третьего курса факультета биомедицины.

Студентка третьего курса обладала русыми кудрями и васильковым взглядом, незамутнённым чрезмерным интеллектом. Несимметричный румянец и перманентное состояние лёгкого шока гармонично довершали классический образ.

– Арик рассказывал о тебе, – задала тему Ирис, когда мы собрались за столом ближайшей кафешки. – Четыре учёных степени, как так вышло?

– Да как-то... – начал я.

– Вау... – Таня уставилась на меня с неподдельной тревогой. – Зачем? У тебя вообще оставалось время на жизнь?

– Оставалось, – я улыбнулся. – Когда приходишь на второй факультет...

– А оценки? – продолжала допытываться она.

Так... на собеседование у любознательной Тани-Марины я не рассчитывал.

– Оценки? А что такое оценки? – я выпучил глаза и пристально взглянул на неё.

– Ай, да ну вас... – оглянувшись на Стива, насупилась Таня. – Нет, я всё же не понимаю, зачем это надо?

– Преимущественно чтобы хвастаться, какой я умный.

Ответ понравился, лёд первой отчуждённости треснул. Я почувствовал, что пора слезать со сцены, и передал эстафету Ирис. Оказалось, что она заканчивает магистратуру по управлению медицинскими системами – близится время подбирать хвосты и писать диплом. Потом Татьяна вторично продекларировала намертво вызубренную формулировку, суммирующую её небогатую профессиональную биографию. Геннадий ел, поглядывая на собравшихся, как, должно быть, смотрел на друзей своей внучки. Когда очередь дошла до Стива, тот со странной усмешкой сообщил, что он программист, что пришёл в BioSpectrum чуть больше года назад и был первым работником фирмы.

– погоди, а когда ты закончил учиться? – удивился я, прикинув, что он вряд ли значительно младше меня.

– Лет пять назад.

– Ты ж сказал, что это первая работа, чем же ты занимался?

Стив неопределённо развёл руками, но тут проснулся мой телефон.

– Алло?

– Ты где?

– Обедаю... вместе со всеми.

Стив переглянулся с Ирис. «Ариэль», – прошептал он одними губами.

– Зайди сразу, как вернёшься.

– Хорошо.

Я вопросительно посмотрел на Стива, потом на Ирис и снова на Стива. Они выглядели как парочка сообщников, ловко обтяпавших очередное дельце.

– Я что-то не понимаю. Может, объясните, зачем он так часто звонит?

– Не парься, – отозвался Стив, сдерживая улыбку. – Постепенно пройдёт.

– Ты бы видел, как он мучал Тима! – рассмеялась Ирис.

Таня-Марина тоже захихикала, но как-то невпопад.

– Так с каждым новым работником, – продолжал Стив. – До тебя был Тим, и Ариэль не слезал с него больше полугода, а вначале то же было со мной.

– Зато теперь он сможет вздохнуть спокойно, – веселилась Ирис. – Твоё появление для Тима просто праздник!

Стало быть, вот что означала вчерашняя улыбочка, – ожидается новый аттракцион. Я задумался, а Стив с Ирис принялись наперебой рассказывать курьёзы, связанные с нашим начальником.

* * *

Когда я вернулся, шеф разговаривал по телефону. Я отправился заваривать кофе в маленьком закутке, где имелись микроволновка и миниатюрный холодильник. Только я разобрался, что там и как, на пороге возник Ариэль.

– Идём, – выпалил он, развернулся и вышел.

Я взял чашку и последовал за ним. Шли мы недолго – шага три по коридору и пришли в соседнюю комнату.

– Это наша лаборатория, – гордо объявил Ариэль, обводя широким жестом свои владения. – Это Таня – работница лаборатории.

«Работница» сидела у покрытого листовой нержавеющей стали стола, рядом – аквариум и робот-манипулятор с длинным механическим щупом.

– Здесь калибруются преобразователи, – пояснил Ариэль.

Робот коротко зажужжал, совершил микроскопическое движение и затих. Татьяна вгляделась в табло и занесла несколько чисел в таблицу, затем переключила тумблер, вновь раздались жужжание, и по воде пробежали едва заметные круги.

– На дне – преобразователь, над ним движется датчик, измеряющий интенсивность ультразвукового поля⁷, – продолжал Ариэль. – Таким образом составляется трёхмерная карта, её качество обусловлено высокой плотностью сетки и сверхточной локализацией...

– Да-да, я в курсе, – вклинился я, улучив момент, когда его речевой напор слегка ослаб. – Нечто подобное я уже видел.

– Великолепно, тогда займёмся сенсорами. – Ариэль хлопнул в ладоши и потёр руки. – Тим! Где Тим? Сейчас я его...

Он приволок Тима Чи, распорядился подготовить лабораторную демонстрацию и велел поспешить. Тим кивнул и удалился.

– И разморозь какую-нибудь артерию, – прокричал Ариэль вдогонку. – Я хочу, чтобы всё было по-настоящему!

Шеф углубился в описание своего детища. Рассказ кишел совершенно непроизносимыми названиями композитных материалов. Я пытался уследить за основной идеей, с грехом попо-

⁷ Ультразвук, в отличие от слышимого диапазона звуков, плохо распространяется в воздухе. В качестве медиума для ультразвуковых волн часто используется вода, близкая по акустическим свойствам к живой ткани.

лам продираясь сквозь дебри излишних подробностей. В ближайшее время меня будут интересовать не тонкости строения сенсоров, а их рабочие характеристики.

– На деле всё гораздо сложнее, но мы ещё обстоятельно к этому вернёмся, – обнадёжил Ариэль. – А пока обсудим абсорбирующие элементы, которые гасят остаточные колебания. Тут важно не только само вещество, а также крепление, клей, толщина и прочее.

– Кстати, а какова толщина излучателя? – спросил я, почувствовав, что слишком долго никак не проявляю своё внимание.

– Типичные размеры...

Пока Ариэль в новом приливе энтузиазма фонтанирует ничего не говорящими мне терминами, а Тим Чи собирает систему для предстоящей демонстрации, я в двух словах расскажу об ультразвуке.

Ультразвуковая система, как и аудиосистема, состоит из трёх основных компонентов: источника, усилителя и колонок. Функцию источника исполняет генератор-приёмник, а ультразвуковой преобразователь (или просто сенсор) заменяет одновременно колонки и микрофон. То есть он сперва генерирует акустическое колебание, а затем ловит возвращённое эхо.

– В целом уже сегодня наши сенсоры демонстрируют удовлетворительные характеристики. Остаётся одна загадка: почему при спектральном анализе фигурируют три преобладающих группы частот? – Ариэль бросился в кабинет и принёс кипу графиков. – Смотри, вот основная частота, а вот ещё две – невесть откуда.

Я сосредоточился. Представлялся шанс себя проявить. Множественность разнообразных факторов, влияющих на распределение частот, предоставляла широкий простор для импровизации. Оставалось найти нечто наглядное. В поисках зацепки я судорожно перелистывал диаграммы. Дойдя до конца, разложил их, частично совместив графики с похожими очертаниями. Так, различные виды композитных материалов. Что ещё? Крепления, абсорбирующая прослойка, размеры... Не то, не то. Хотя... стоп.

– А-а... вы не думали, что это из-за размеров? – проронил я.

– Размеров? – Ариэль осёкся. – Каких размеров?

– Из-за размеров сенсоров.

Он тоже склонился над столом.

– Три вида частот могут возникать из-за геометрических размеров, – уже уверенней, с расстановкой продолжил я. – Сенсор – не идеальная струна, а трёхмерный объект. Низкие, сильно выраженные частоты порождаются колебаниями вдоль основной оси, а более слабые...

– А высокие – вдоль двух других, – подхватил Ариэль. – Тогда их соотношение должно соответствовать пропорции размеров.

– Вероятно... не обязательно линейно, но как-то соотноситься они должны.

– Тим, что скажешь?

– Я не физик, – поспешил самоустраниться Тим.

– Стив! – заорал Ариэль.

Выждав пару секунд, он метнулся в соседнюю комнату.

- Звучит логично, – дослушав, согласился Стив, – но надо бы проверить.
- Великолепно, – резюмировал Ариэль. – Тим, у тебя готово?
- Почти, ещё кое-что... – протянул Тим, ковыряясь в программном коде.

Ариэль окинул нас удовлетворённым взглядом и ушёл. Стив принялся проверять калибровку, а я подсел к Тиму и стал вникать в премудрости работы с аппаратурой.

Разобравшись с подсоединениями, мы подключили сенсор. Тим закрепил в тонких алюминиевых зажимах артерию и приладил к ней кусочек куриной грудки, которая по акустическим свойствам схожа с человеческой мышечной тканью и в нашем случае симулирует стенку сердца.

Тим со знанием дела комментировал измерения. Он был нарочито аккуратен и внимателен к деталям. Чувствовалось, что несмотря на отказ обсуждать физические аспекты, он неплохо разобрался и в сенсорах, и в их строении.

После эксперимента меня ждало чтение статей, потом такси и аэропорт. По пути позвонил Ире, и мы договорились встретиться.

Отворив, она на мгновение застыла на пороге.

- Полюбуйся, это мой новый друг, – я хлопнул по чехлу ноутбука.

Она шагнула ко мне и осторожно обняла. Я почувствовал её пальцы на плечах и лопатках. Настроение мгновенно сменилось, напряжение отхлынуло, по телу пробежали мурашки. Высвободившись, я скинул ноутбук и увлёк её в спальню.

* * *

Приподнявшись на локте и жестикулируя свободной рукой, я взахлёб делился впечатлениями.

- Ты теперь прям добытчик... Летаешь куда-то на заработки...

– Сейчас я тебе покажу – добытчик! – набросив одеяло, я сгрёб хохочущую и брыкающуюся пленницу в объятия. – Слушай лучше, этот Ариэль совершенно ненормальный. Его распирает. Он носится туда-сюда по офису, хотя там особо не побегаешь – всё помещение метров семь на десять от силы. А ещё он постоянно звонит... неясно зачем.

– Может, ему одиноко? – в её голосе звучала тёплая ирония, с какой выслушиваются истории первоклассников о первом сентября.

– Да нет... он мне в принципе нравится. Конечно, его малость заносит, а кого в хай-теке⁸ не заносит? Тем более в стартапе⁹...

Я ненадолго задумался.

⁸ High-tech – высокие технологии. Наукоёмкие отрасли промышленности, часто включающие в себя электронику и робототехнику.

⁹ Startup – начинающая хай-тек-компания. Особенности: инновационность, общность целей и чувство значимости каждого сотрудника; мизерные шансы на успех, но и колоссальная прибыль в случае реализации.

– С этими полётами я чувствую себя космонавтом. Мне нужна, как это... декомпрессия.

Обрадовавшись найденному слову, я вскочил, изображая невероятное давление, сжимающее мою бедную голову.

– Надо потребовать, чтобы мне установили декомпрессионную камеру.

– Ты так долго не выдержишь.

– Well, darling...¹⁰ а какие варианты? Пока так. Или давай перебираться в Сан-Хосе.

Она укоризненно взглянула на меня.

– А можно в Сан-Франциско. Цветные трамваи, тенистые улочки... – размахивая руками, я рисовал в воздухе сказочные картины, – ...и твой любимый Тихий океан. Тот же самый, что и тут. Отличный город – летние туманы, Русские холмы, огромные парки...

– Илья, ты же знаешь...

– Видишь... – я лёг обратно. – Во Фриско мы не хотим, так что придётся летать.

Спохватившись, я заметил, что Ира выглядит усталой и продолжает слушать лишь потому, что я никак не могу успокоиться и прекратить тарыхтеть. Я сослался на то, что нам обоим рано вставать, и отправился домой.

Ночевать у Иры было нельзя. Она получала пособие как мать-одиночка. Год назад к ней нагрянули с проверкой и нашли боксеры. Боксеры были признаны мужскими. Сколько она не объясняла, что занимается в них спортом, ей так и не поверили и прекратили выплаты. В итоге бесчисленных прошений и апелляций пособие всё-таки вернули спустя три долгих месяца.

Оттягивая возвращение в пустое жилище, я поехал вдоль набережной и чуть не врезался в грузовик, вылетевший на встречную полосу. Для одного дня эмоций было более чем достаточно, и я свернул в сторону своего района.

¹⁰ Well, darling... – Ох, дорогая...

Глава 4

*Подчинённый пред лицом начальствующим должен иметь вид
лихой и придурковатый, дабы не смущать оное разумением своим.*

Пётр I

Сегодня я продвинутый пассажир воздушного транспорта – заранее выключаю телефон, своевременно пристёгиваюсь и отстёгиваюсь, с ходу нахожу свободное такси. С опозданием в две минуты вбегаю в вестибюль, бросаюсь к лифтам и, обнаружив, что обе кабины на верхних этажах, не сбавляя темпа, кидаюсь к лестнице, взлетаю на второй этаж и перехожу на шаг, выравнивая дыхание.

Ариэль в коридоре разговаривает с Кимберли. Поздоровавшись, задерживаю на нём вопросительный взгляд. Комментариев не последовало. «Великолепно!» – я отмечаю, что начал мысленно употреблять любимое словечко моего шефа.

- Как успехи? – в комнату заглядывает Ариэль.
- Всё хорошо.
- В котором часу ты прибыл?
- В одиннадцать ноль-пять.
- Одиннадцать ноль-пять и одиннадцать ноль-ноль – две совершенно разные временные точки. Ты как учёный должен это понимать.
- Я понимаю.
- Вот и отлично. Надо обсудить пару моментов.

Он развернулся и вышел. Я проследовал в кабинет.

- Я поразмыслил над вчерашней гипотезой, и очень может быть, что ты действительно прав. Необходимо в этом удостовериться. Посоветуйся со Стивом, спланируйте опыт и установите, так это или нет.
- Хорошо, я уже обдумал несколько вариантов.
- Замечательно, представите детальный протокол. Дальше, чем ты занимаешься?
- Статьями. Я дочитал те, что вы выдали, и распечатал те, которые на диске.
- Это уже неактуально. Займись пока предстоящим экспериментом и выбором ноутбука и, смотри, не затягивай. Всё, жду подробный отчёт.

Стив был уже в курсе, и мы быстро договорились. После обеда отправились к Ариэлю.

- Приступайте, – задав пару уточняющих вопросов, Ариэль припечатал ладонью листы. – Стив, измерения скинешь на Таню. Илья, когда будут результаты, произведёшь анализ и составите доклад.

Вернувшись, я отложил внезапно обесценившиеся статьи и погрузился в поиски ноутбука, длившиеся, впрочем, считанные минуты. Гонимый неуёмной жаждой деятельности, на пороге возник Ариэль.

- Пора переселяться, – объявил он. – За мной!

Между застеклённым «terrариумом», где обитает Кимберли, и кабинетом начальника находилось помещение для совещаний.

– Ты будешь сидеть тут, – провозгласил шеф, окидывая хозяйским взглядом расчищенный кусок стола, занимавшего практически всё пространство.

На дальнем конце стола над корпусом разобранного компьютера склонился Тим Чи. Получалось, что я сижу у самого входа, спиной к двери – то есть мои экраны будут видны из коридора, что не слишком приятно. И вообще, как можно работать за одним столом, лицом друг к другу?

Остаток дня я занимался сенсорами и ноутбуком: копался в спецификациях, сравнивал характеристики. По дороге в аэропорт обнаружил, что забыл врубить мобильник с прошлого полёта.

– Илья, это Ариэль! – звенел по-утреннему бодрый голос в автоответчике. – Ты где? Сообщи, в котором часу намереваешься прибыть на работу.

* * *

Солнечное утро, в небе ни облачка, на дорогах мало машин, и я быстро добираюсь до аэропорта. На парковке, каким-то чудом, свободное место прямо у входа. Перекусив, я задремал во время полёта. По утрам с лёгкого недосыпа снятся быстрые красочные сны.

Когда-то ради этих снов я таскался на утренние лекции. Мой друг заходил за мной, будил, и я шёл за ним к свету и к знанию. В аудитории мы направлялись напрямиком к заднему ряду. Я клал локти на спинку переднего кресла, пристраивал голову на скрещённых руках и проваливался в ватную дрему. Бубнёж лектора постепенно трансформировался, слова причудливо переплетались, приобретая прихотливые окраски и формы. Калейдоскоп образов преобразажался, расцветал узорами. Потом товарищ тряс меня за плечо, вытаскивал проветриться на солнышке, и я возвращался досыпать вторую половину пары.

Авиалайнер вздрогнул, касаясь земли. Из таких снов выныриваешь свежим и взбудораженным. В терминале я первым делом проверил время – приземлились на десять минут раньше расписания. Сегодня Ариэль будет мной доволен. Сегодня я, как пай-мальчик, прибуду вовремя. Даже с запасом.

Войдя, шествую напрямиком к кабинету – дверь открыта, и я заглядываю внутрь.

– Доброе утро, Ариэль!

– Привет... Привет... – рассеянно бормочет он.

Я жду, когда он обратит внимание на время, но шеф чем-то увлечён... или озабочен. Изображения на экране не видно. Помедлив, разворачиваюсь, иду к себе.

– Илья! – окриком останавливает меня Ариэль. – Зайди, пожалуйста.

Я вошёл, подвинул стул, сел.

– Закрой, пожалуйста, дверь.

Я встал, отодвинул стул, затворил дверь, вернул стул на место и снова сел.

– Я всё ещё раз взвесил... – произнёс Ариэль, собираясь с мыслями. – Так дело не пойдёт. Твои приходы...

– Но я пришёл вовремя! – возмутился я.

– Да-да... – Ариэль покосился в угол экрана. – Это хорошо. Очень хорошо.

– Так в чём же...

– Дело совсем не в том... – Ариэль скорбно нахмурил лоб. – Ситуация гораздо серьёзней. С прибытием в одиннадцать пора заканчивать. Мы солидная контора и должны соответствовать общепринятым нормам. Рабочий день начинается в девять утра. Это азбука организации. Я сам беру обязательство приходить не позже полдесятого.

Ариэль строго уставился на меня. Я обречённо ждал продолжения.

– Вот, смотри, Тим, с которым тебе во многом сотрудничать, приходит в девять. Стив вообще в семь утра.

Интересно, с какой стати я должен продираться ни свет ни заря из-за того, что Стиву взбренило решать проблему дорожного трафика за счёт поездок до начала утреннего часа пик?

– Вы команда. Нет, мы команда! – продолжал городить Ариэль. – И должны быть готовы в любую минуту прийти друг другу на выручку. А сейчас он приезжает в семь, а ты только в одиннадцать, потом вы отправляетесь на обед...

– Но я летаю из Лос-Анджелеса! – запротестовал я.

– Мне очень жаль, но я вынужден просить тебя приходить хотя бы на час раньше.

Я помедлил и обречённо кивнул.

– Великолепно. Люблю решать вопросы ясно и чётко. В нашей компании у каждого есть возможность свободно распределять своё время. В принципе нет никаких надуманных ограничений. Каждый должен чувствовать себя как дома. Кстати, как это укладывается в расписание рейсов?

– Они раз в час, – вяло промямлил я.

– Превосходно. Десять утра начиная с завтрашнего дня. И смотри, не опаздывай.

– Завтра... эм... завтра я работаю дома.

– Ах, да. Точно. Значит, с понедельника.

Я встал, отодвинул стул и открыл дверь.

– А... вот ещё, почему ты оставил лэптоп в офисе?

– Потому что...

Потому что пока он мне нафиг не нужен, – всё больше раздражаясь, мысленно закончил я. И вообще, лучше бы сейчас оставить меня в покое.

– Нет, лэптоп должен быть с тобой всегда. Всегда! Лэптоп – это... – Он вперился в потолок, но, не найдя достаточно сильного эпитета, попробовал подойти к задаче под другим углом: – А если дома придёт важная мысль? Как тогда? Я, конечно, не настаиваю, чтобы, возвращаясь, ты каждый вечер садился за компьютер, но лэптоп должен быть постоянно под рукой.

Наука и техника круглые сутки! Отходить от рабочего станка категорически запрещается. Снимать корпоративные оковы – тоже.

– Ведь сегодня ты в любом случае его не оставишь? – Ариэль нацелился на меня с приторной подозрительностью.

– Нет конечно, – я едва сдержался. – Мне же на нём работать.

Ухмыльнувшись собственной плоской шутке, шеф приосанился.

– Великолепно. Кстати, составь план работы на завтра. – Он взглянул на мою вытянутую физиономию. – Ничего грандиозного, черкни пару строк на почту. Хочу знать, чем ты занимаешься.

– О-о-о'кей.

Измочаленный, я приплёлся в комнату, уселся и на меня навалились накопленный недосып и усталость от изматывающих каждодневных полётов. Я потёр веки. Надо купить капли для глаз, чтоб не шастать здесь, как голодный вампир.

– Илья, как дела?! – неожиданно раздаётся у меня за спиной.

Я оборачиваюсь – прямо рядом, сверкая улыбкой и подбоченясь, словно разбитная колхозница, стоит Кимберли.

– Как ты себя чувствуешь? – она вальяжно прислоняется к дверному косяку, и я с досадой догадываюсь, что это вовсе не минутный разговор.

Что за назойливая непринуждённость?

– Эм... Спасибо.

– Что-то у тебя помятое лицо... – она вместе со всеми своими формами наклоняется надо мной и пристально присматривается. Формы оказываются на уровне моих глаз. – Знаешь, ты выглядишь как-то не очень. Ты хорошо спишь?

Она что, совсем офонарела?

– Понимаю-понимаю, бурная молодёжная жизнь, night fever, верно? – продолжает она, фамильярно подмигивая.

Выражение «night fever»¹¹ я всегда ненавидел, а тут ещё эта бесцеремонная административный директор, её выпирающие из декольте сиськи, и тесно – встать, не упервшись в них, никак невозможно, – а где-то сзади и справа курочит компьютер Тим Чи.

¹¹ Night fever – ночная лихорадка.

– Послушайте, Кимберли...
– Можешь называть меня Ким, – промурлыкала офис-менеджер.
– Благодарю. Так вот, Кимберли, меня не интересуют дискотеки и наркотические препараты. Я увлекаюсь древнегреческой философией и творчеством Достоевского.
– О-о, Достоевский! – она округляет губы на всех этих «о», будто все они ударные. – Как интересно! Я в юности читала «Преступление и наказание».

На ум приходит адаптированное издание карманного формата, страниц эдак на двадцать. Но то, как легко она сметает мои фортификационные укрепления, окончательно выводит меня из равновесия, и в каком-то помутнении рассудка я произношу следующую фразу:

– А... вы помните, что студент сделал со старушкой?
– О да. Это ужасно! – как ни в чём не бывало отвечает Кимберли со всеми сопутствующими буквам «о» гримасами.

Приблизительно в таком духе продолжается терзание моей бедной и без того расшатанной всевозможными излишествами психики. Минут через пятнадцать, решив, что для первого раза вполне достаточно, Кимберли удаляется, удовлетворённая произведённым впечатлением.

* * *

– Вот ты где! – вскричал Ариэль, когда я появился на пороге кабинета, обнаружив в оставленном на столе телефоне три пропущенных звонка за время обеда.

Он рванул в комнату, набросился на Тима и потребовал немедленно ознакомить меня с программным кодом.

– Отправная точка – acquisition – модуль, ответственный за сбор исходных данных, – начал Тим Чи, дождавшись пока шеф уgomонится, уйдёт и даст нам заняться делом. – Эквизишн включает в себя...

Он углубился в описания, скрупулёзные и обстоятельные, как и его код.

– Следующие модули – обработка и анализ.

Это уже интересней. Основным аспектом моей деятельности будет создание алгоритма, способного синтезировать из многомиллионных скоплений чисел сжатый и удобоваримый результат, одного взгляда на который достаточно для установления диагноза.

Насколько мне удалось понять из рассказов и недомолвок Ариэля, подходит к середине второй год существования компании – первоначальный бюджет практически съеден и нужно продемонстрировать хоть какие-нибудь успехи, чтобы получить новые инвестиции. Проблема в том, что в сфере биомедицины для создания опытного образца требуется года три-четыре, а уж никак не полтора. И потому необходимо во что бы то ни стало срочно слепить, если не сам прототип, то некое его подобие.

Под вечер заглянул Харви и позвал подписать договор. С понедельника мы не пересекались, и я почти забыл о существовании директора. Оказалось, он занимает тот же прозрачный

кабинет, где ютится Кимберли, уходящая раньше остальных. Неясно, как им удаётся работать вдвоём в таком тесном помещении.

Покончив с документами, я вернулся к себе и вспомнил про план. Что бы такое написать?.. И вообще, как это понимать? Опасается, что без его надзора я стану валять дурака? Или просто преувеличенная тяга к порядку? Но Ариэль же как-то обходится без этих планов, когда я в офисе... Хотя нет, тут он чуть что врывается и требует устный отчёт.

Я встряхнулся, решительно открыл электронную почту и настучал:

План работы на 15.05.2015

Затем с ходу вывел:

1. Чтение научных статей.

Ах, да... он же их отменил. Я стёр «чтение статей». Помедлил, осмотрелся. Чем же, действительно, я тут занимаюсь?

1. Выбор ноутбука. Сопоставление характеристик.

2. Ознакомление с кодом.

3. Анализ данных.

Вроде, нормально. Нажал Send, захлопнул ноутбук, закрыл офис, спустился и поймал такси. Сегодня я наконец-то выплусь.

Глава 5

Вдруг меня поразил сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле.

Иван Тургенев

Проснувшись около полудня, я совсем уж было собрался вставать и, лениво потягиваясь, наслаждался сознанием того, как плодотворно проходит первый рабочий день дома. И, несмотря на мелкие передряги, всё понемногу налаживается, а вещи начинают занимать свои места. Мне вспомнилось, что впереди ещё трое суток без Ариэля с его причудами, я прикрыл глаза и снова задремал.

Очнувшись в четыре, я вскочил, озираясь в поисках пропавшей половины дня, и, наспех собравшись, отправился к Ире. Нужно было забрать Алекса и пересечься с её сестрой – той ещё стервой, – направляющейся на выходные к матери, в то время как Ира работала во вторую смену, чтобы выкроить свободный день. Сдав мальчика на попечение бабушки, мы получали возможность провести ночь наедине.

Я взбежал по лестнице и постучался. Послышался топот босых ног, и, врезавшись в дверь, Алекс завозился с замком. Я наскоро перебрал в уме список вещей, которые следует взять с собой.

- Ничего не выходит, – донёсся приглушённый голос.
- Погоди, дай я.

Ключ вошёл не до конца и повернуть его было невозможно.

– Алекс, ключ застрял, надо его вытащить. Сейчас попытаемся вместе, – я навалился на дверь. – Ну-ка, давай!

Шебуршание возобновилось.

- Постой, не суетись. Соберись с силами и поворачивай.

Изнутри раздалось напряжённое сопение.

– Так, хорошо. Теперь попробуем по-другому – я оттяну, а ты крути. Медленно и аккуратно. Поехали.

«Главное, чтоб не сломался, главное, чтоб не сломался», – стучало в голове. Сделав несколько попыток, Алекс пнул тяжёлую дверь.

- Оно не хочет... – звонкий голос подрагивал, – не хочет открываться.

Мальчик всхлипнул и принялся беспорядочно дёргать треклятый замок. Сообразив, что крики лишь накаляют атмосферу, набрал его номер и стал забалтывать какой-то чепухой, одновременно пытаясь отыскать выход из положения. Само собой, напрашивалось вызвать слесаря.

– Кажется, у нас приключения, – задумчиво протянул я, когда Алекс слегка успокоился. – Надо придумать способ проникнуть сквозь дверь.

– Как Финес и Ферб?

– Как кто?

– Финес и Ферб! Ну помнишь мультик?

– Вот-вот, именно. Как самые что ни на есть заправские Финес и Ферб. Признавайся, ты двери взламывать умеешь?

Нет, слесарь не годится – это два-три часа. Ира изведётся от волнения, а Стерва уедет, и все планы пойдут прахом. Я сбежал вниз прикинуть, как бы забраться через окно.

– Не умею... – растерялся Алекс.

– Я тоже. Хорошо, а что говорит по этому поводу Финес?

Под сбивчивый пересказ мультяшных перипетий я осматривал окна крытого балкона, жалюзи, которые ещё надо как-то раздвинуть, и стену фасада. Дом был построен на откосе. Главный вход соединялся с улицей длинным мостом. От него до балконных окон было метров пять ровного бетона. Сюжет усложнялся: я упустил момент, когда в истории Алекса возник какой-то доктор Фуфелшмерц. И на фразе «И тут он ему ка-а-ак даст!» позвонила Ира.

– Ир, у нас небольшая... – переключаясь, машинально отметил, что время поджидает, – мм... переделка.

– Какая переделка? Выходить пора. Что ты ещё там устроил?

Я взбежал вверх и приложил ухо к двери. Алекс был в гостиной. Торопливо описывая ситуацию, я метался взад-вперёд по лестничной площадке.

– Не волнуйся, как-нибудь выкрутимся... Алекс, кстати, держится молодцом. Позвони, отвлеку его пока.

Я скатился вниз, чтобы получше рассмотреть стену. Тщетно – от беготни вертикальная поверхность не стала менее неприступной. Снова взлетел вверх и замер прислушиваясь. Алекс разговаривал по телефону. Мгновение поколебавшись, я позвонил в смежную дверь. Спустя пару минут оттуда донёсся сварливый голос с сильным русским акцентом.

– Это по поводу Алекса – ребёнка, который живёт напротив, – прокричал я. – Откройте, пожалуйста.

В ответ прозвучало удаляющееся бормотание. Я выругался. Снова послышалось шарканье, позвякивание ключей и, наконец, долгожданный лязг. Поздоровавшись, я метнулся внутрь. Ошарашенная бабулька посторонилась, плотнее запахиваясь в халат невразумительного оттенка. Я устремился в направлении главного фасада и, с треском раздвинув бамбуковую занавеску, оказался на кухне.

– ... сразу смотреть телевизор, – сокрушалась старушка, семена за мной. – А ещё он любит оладушки. Когда Алекс приходит, я всегда...

– Извините, вы не возражаете... Я сюда чуть-чуть влезу.

Взгромоздившись на столешницу, высунулся в окно. Ниже уровня подоконника между бетонными плитами имелась щель. Можно попробовать, используя её в качестве опоры... В кармане завибрировал телефон, взгляд на экран – Стерва. Я сбросил звонок и глянул вниз – высота четыре этажа, под мостом садик, обрамлённый грубо отёсанными камнями. Если что, падать предстоит именно на них.

– ...оладушки, – лопотала соседка, переставляя из-под моих ног банки, перевязанные атласными ленточками. – Чудесные, пышные оладушки со сметаной и вишнёвым вареньем.

Не перегибаю ли я? Окна, камни, акробатические номера между этажами. С другой стороны, ребёнок взапёрти, Ира волнуется, да ещё эта сестра... В общем, не романтический вечер, а полные оладушки.

Раздумья прервал очередной звонок.

– Алло! Вы все не отвечали – я уехала! – объявила Стерва.

– Умница. Я в тебе нисколько не сомневался.

– Что происходит?! Почему...

Я дал отбой и бросился на лестничную клетку. Из квартиры не доносилось ни звука. Я громко позвал Алекса.

– Я тут. Тут, – протянул он, стараясь скрыть жалобные нотки.

– Слушай, я кое-что придумал, но без тебя не справлюсь. Ты как, поможешь?

Я взялся объяснять свой план.

– Но смотри, поворачиваешь эти штуковины и сразу вниз, – повторил я. – И только потом раздвигаешь створки. Договорились?

– Договорились!

– Тогда вперёд.

Я метнулся в соседнюю квартиру и в три прыжка очутился на кухне.

– Полезу в окно, – с ходу объявил я разуваясь. – Ботинки пока оставлю у вас.

– Что вы! Молодой человек...

Стоя в проёме, я свесился наружу. Сквозь щели между планками жалюзи было видно, как Алекс забрался на стул и возится с рычажками. После нескольких попыток механизм поддался, и он исчез за сомкнувшимися пластинами.

– Отлично, Алекс! Молодец! Теперь слезай.

Услышав, как он спрыгнул на пол, я облегчённо вздохнул.

– Откры-вай! – басовито прокричал я.

Створки со скрежетом отъехали в сторону, и показалась вихрастая макушка, а потом и физиономия Алекса, с азартом ожидавшего продолжения.

– У меня получилось. Видел? Видел?!

– Конечно видел. Ты настоящий орёл!

Внутри, вдоль оконной рамы, имелся выступ, за который можно было уцепиться. Оставалось надеяться, что на той стороне будет нечто подобное.

– Обязательно заходите отведать варенья, – напутствовала меня бабулька.

– Благодарю. – Я качнулся, получше ухватываясь правой рукой. – Всенепременно.

Встав на краю, попробовал нащупать пальцами левой ноги зазор между плитами. Приседая ниже и ниже, наконец удалось дотянуться до узкого углубления, и я принялся потихоньку продвигаться вдоль него. Изловчившись, я уже почти добрался до нужного места, как вдруг:

– Давай, давай, осталось совсем чуточку! – потеряв терпение, Алекс вскочил на стул и высунулся в окно.

– Ты что?! А ну, вниз! – закричал я, прильнув к стене и пытаюсь сохранить равновесие. – Быстренько, быстренько слезай отсюда.

Алекс тут же исчез, и послышался глухой удар пяток о кафель. Замерев, я немного пришёл в себя и восстановил дыхание. Осторожно продвинул ногу ещё на пару сантиметров. Постоял, свыкаясь с новой позицией, качнулся, вытягиваясь влево, и ухватился за хлипкую раму. Подтянулся, нашарил точно такой же уступ, вцепился и повис между квартирами.

Переводя дух, я прижался лбом к нагретому солнцем бетону, а в кухне, шаркая из угла в угол, бабулька сомнамбулически нашёптывала своё заклинание: «варенье-варенье, оладушки-оладушки». Я откинулся назад, напрягся и рывком перешагнул на подоконник.

– Ну что, Алекс, первое боевое задание удалось!

Я присел на корточки, протянул ладони, и он несколько раз хлопнул по ним своими ладошками.

– Теперь оперативно собираемся, и нас ждут гонки с препятствиями, – я потрепал его по волосам.

Алекс помчался за вещами. Я разобрался с заевшим замком, убедился, что ничего не забыто, и мы выбежали из дома. Ступни ощутили бульжную кладку моста.

– Стой тут, держи круговую оборону, – вручив мальчику ранец, ринулся за ботинками.

По пути связался со Стервой и попросил обсудить с водителем остановку в одном из ближайших пригородов. Она свирепо посопела в трубку и отключилась. Я стал листать в навигаторе возможные маршруты. Алексу нравилось следить за нашими манёврами по движущейся

карте. Мы миновали стороной запруженные районы, выбрались на магистраль и, лавируя в плотном потоке, неслись над городом по шестиполосной навесной трассе.

Когда на придорожной стоянке появился автобус, Алекс вприпрыжку бросился навстречу. Дверь с гидравлическим шипением отъехала, и он стал карабкаться по крутой лестнице. Сверху с молчаливым укором взирала Стерва.

* * *

Не застав Иру за прилавком, я двинулся вдоль стеллажей и у секции с изданиями в пёстрых обложках услышал знакомый голос. Выглянув из-за спины расфуфыренной клиентки, отвесил шутовской поклон и жестаи показал, что буду наверху.

До закрытия оставалось около получаса. Выбравшись на крышу, сажусь, прислоняюсь к стене вентиляционной шахты и неспешно скручиваю косяк. Вечереет. На западе полощется пурпурное зарево, и косые лучи отбрасывают длинные тени, обрывающиеся в провалах между домами.

Когда я вернулся, Ира приводила в порядок отбракованные покупателями книги. Наткнувшись на название «Обольсти меня на рассвете», я воздел руку и театрально уставился в общепринятом направлении всего вечного и прекрасного.

– Ты меня на рассвете разбу-удишь, проводи-ить не-о-бу-та-я вый-дешь, – дурным голосом завыл я и, приобняв, сделал вальсирующий шаг, разворачивая её в танце. – Ты меня никогда-а...

– Спасибо. Я так переживала... Ты мой рыцарь.

– Да, я мегамонстр, – я задрал подбородок и скрестил руки на выпяченной груди. – Пределы моей неопикуемой крутизны не ведают границ!

– Пределы не ведают границ? – она насмешливо вскинула бровь.

– Ага, – я с достоинством кивнул, – именно так.

– Илья, кончай дурачиться.

– Ладно, но только сегодня и в виде большого исключения.

Я помог распахать оставшиеся книги, она закрыла магазин, и мы отправились к машине.

– В таком виде я никуда не пойду, – безапелляционно объявила Ира в ответ на предложение где-нибудь поесть.

Несмотря на протесты и заверения, что лучшего вида быть просто никак не может, мы поехали к ней домой. Пока она прихорашивалась, я устроился на балконе с книжкой Платонова, которую Ира для меня стащила. Дочитав первый рассказ, отправился на поиски своей красавицы и застал её, разумеется, в ванной.

Ввалившись туда, некоторое время наблюдал за тем, как она сосредоточенно прорисовывает какой-то неуловимый штрих.

– Ира, идём, ты уже и так невыносимо прекрасна, – взмолился я и попытался оттащить её от зеркала.

Я принялся говорить, что ценю естественную красоту, и этот боди-арт совершенно излишен, но она отбрила меня, заявив, что я ничего не понимаю, и со смехом вытолкала за дверь.

На мой вкус ресторан оказался слишком помпезным. Чопорный официант являлся точной, лишь едва уменьшенной, копией метрдотеля, царственно дефилирующего в отдалении. Между переменной блюд была церемонно подана бледно-зеленоватая субстанция в конических бокалах на высокой ножке.

Официант счёл нужным сопроводить это дело историческим очерком о происхождении сорбета и начал аж с Древнего Китая. Сперва нам удавалось сдерживаться, но к середине повествования мы уже покатывались со смеху. Когда он наконец удалился, Ира продолжила рассказывать о своей институтской жизни. Она училась в России на гуманитарном факультете, но её воспоминания во многом походили на мои годы студенчества. Засидевшись допоздна, мы вдоволь нахохотались и вкусно поужинали. Это был первый вечер, когда не надо было никуда спешить, и впереди нас ждал ещё весь завтрашний день.

Добравшись ко мне домой, мы набрасываемся друг на друга прямо с порога. Долго сдерживаемое желание захлёстывает нас обоих. На мгновение я отстраняюсь и смотрю в Ирины ошалелые глаза. Петля в складках ткани, застёжках и пуговицах, мы добираемся до спальни и падаем в постель. Так нисходят с горных вершин снежные лавины. Так в безмолвной красоте Антарктиды откалываются от шельфовых ледников и рушатся в океан величественные айсберги. Так на фоне багряного неба, испепеляя всё на своём пути, растекаются огненные реки лавы.

Потом мы лежим и слушаем, как за окнами, расплёскивая мерный шелест листвы, пробуют голоса утренние птицы, а затем дурачимся, смеёмся и болтаем о всякой всячине.

* * *

Сморщившись от яркого света из настёж распахнутых окон, останавливаюсь на пороге спальни. Обычно в моей квартире даже днём царит полумрак. Ира, подобрав ноги, сидит в большом старом кресле.

– Доброе утро, соня, – она отложила книгу и потянулась. Расстёгнутые рукава моей рубашки съехали, обнажая её острые локти.

– Нам... ээ... труженикам хай-тека, категорически противопоказано... – я зевнул.

– Умничать, особенно спросонья.

День выдался на удивление жаркий. Когда спал полуденный зной, мы отправились на дикий пляж в Малибу. Берег был пустынен, и только сёрферы, издали похожие на стаю пингвинов, поблёскивали на солнце мокрыми костюмами.

Прибрежный район опрятных домиков утонул в зелени, покрывающей почти весь, далеко выдающийся в море, мыс. Было как-то по-неземному спокойно и тихо. Крупные чайки прохаживались вдоль кромки прибоя, важно шлёпая перепончатыми лапами по мокрому песку. Когда солнце скрылось за холмами и стали стучаться сумерки, мы двинулись к машине.

Приходилось спешить, Стерва несколько раз звонила сообщить, что они уже в пути и надо забрать Алекса. По дороге я исподволь наблюдал, как Ира постепенно преобразуется, возвращаясь к повседневным хлопотам занятой женщины и матери.

Вернувшись, достал свежую пахучую траву, зажмурился и втянул ноздрями знакомый запах. Это был запах моей Калифорнии – запах, веющий над нею со времён легендарного Вудстока, запах студенческих кутежей, запах вечеринок на дикой природе, запах юности и запретной свободы.

Я облизал клейкие от конопляной пыли подушечки пальцев и скрутил длинный тонкий косяк. Пошарил по карманам в поисках зажигалки. Не найдя, огляделся вокруг. Странно, ещё вчера зажигалки валялись повсюду. Осмотрелся внимательней и сообразил, что Ира навела порядок.

Курить хотелось всё сильнее. Я вскочил и принялся разыскивать зажигалки. Интересно, когда она успела? Ну да, конечно, – пока я дрых. Эх, надо было как-то проявить внимание, выказать благодарность... Я как дурак нарезал круги по квартире, в который раз проверяя одни и те же места. Куда же она их подевала? Порядок порядком, но зажигалки-то в чём пропали?

Есть у женщин милая особенность – попав к вам в дом и немного освоившись, они начинают наводить этот самый порядок. Вдобавок они, как бы невзначай, забывают тут и там серёжки, кольца, заколки для волос, браслетики и тому подобные мелочи, понемногу заполняя ваше жилище своими амулетами. И это какое-то наваждение! «Наваждение порядка» заключается в том, что, определяя места для вещей, женщины абсолютно не заботятся о том, чтобы поставить вас в известность об их новом местонахождении. Им даже в голову не приходит, что хотя бы некоторые вещи не раскиданы как попало, а уже давно имеют законное, проверенное жизнью место.

И вот вы, по уши облагодетельствованные, ощущаете себя в своём доме, как в гостинице, окружённые неопознанными объектами, расположенными в самых неожиданных местах. И нет никакой возможности хоть как-то умерить эти территориальные притязания. Ведь любая нормальная женщина искренне убеждена, что, наводя порядок, действует самоотверженно и творит добро.

Я подозреваю, что этот подсознательный механизм, выработанный тысячами эволюции, направлен на порабощение мужского пола путём лишения самостоятельности, делая нас беспомощными перед лицом суровой бытовой реальности. Вероятно, в этом и кроется истинная причина того, что женщины так тяготеют к порядку, особенно в домах своих возлюбленных.

Отчаявшись, взял сигарету, вышел на улицу, послонялся минут пятнадцать и прикурил у какого-то парня. Вернулся, зажгёт косяк от тлеющего окурка и снова плюхнулся в кресло. Сделал пару глубоких затяжек, привычным движением потянулся за пепельницей. Пальцы несколько раз бессмысленно сомкнулись и разомкнулись. Пошарил по столу. Пусто. Очевидно, пепельницу постигла та же участь, и она канула в страну без вести пропавших зажигалок.

Глава 6

Секретарь райкома отвёл глаза на маленькое окно гуртовой избы и что-то подумал о летнем дне, блестящем за стеклом. Он вообразил красоту всего освещённого мира, которая тяжко добывается из резкого противоречия, из мучительного содрогания матери, в ослепшей борьбе, и единственная надежда для всей измождённой косности – это пробиться в будущее через истину человеческого сознания – через большевизм, потому что большевизм идёт впереди всей мучительной природы и поэтому ближе всех к её радости; горестное напряжение будет на земле недолго.

Андрей Платонов

В утренние часы первого рабочего дня терминал особенно запружен. Не найдя свободного места среди моря пластиковых стульев, я плёлся вдоль вереницы кафешек, где царила нервная суета, кокетливо обёрнутая в служебные улыбки. Отыскав угол, наиболее отдалённый от этого безобразия, уселся на пол, скинул лямку ноутбука и прислонился к стене, прикрыл глаза.

Разноголосое бормотание толпы сливалось в давящий фон, изредка прерываемый объявлениями, доносящимися из-под высоких сводов. В памяти всплывали обрывки прочитанного накануне. Так как в пятницу-субботу я бездельничал, вчера пришлось навёрстывать упущенное, и воскресный день прошёл за изучением документов и наработок Тима Чи.

Избранный им ход мысли понемногу обретал ясные очертания. Я проверил время и попытался расслабиться. Но новый проект уже завладевал мною, заполнял, захватывал. Я же всё это знаю, умею и даже люблю. Интеллектуальный вызов приятно будоражил. Несколько угнетали недосып и эти десять утра, ни с того ни с сего выдуманые Ариэлем, но и с ними можно будет ужиться, привыкнув к новому распорядку дня.

Разобравшись с парочкой ускользающих деталей, я прибыл на работу в приподнятом расположении духа. В коридоре – никого. Кимберли помахала через прозрачную перегородку, что-то втолковывая телефонной трубке. Я покосился на закрытую дверь кабинета и вздохнул с облегчением.

За столом, напротив моего места, я с удивлением обнаружил Ирис. Пробормотав приветствие, я преодолел секундную растерянность, расчехлил ноутбук и стал подсоединять провода. Закончив, откинул экран, и он с сухим стуком упёрся в её монитор.

– Прости, – я подвинул ноутбук и принялся с преувеличенной тщательностью настраивать градус наклона.

Ирис поправила очки, уголки её губ дрогнули. Я сосредоточенно нахмурился и включил компьютер. «Много тут поработаешь», – думал я, ощущая острую нехватку личного пространства. Я откинулся и вытянул ноги, намереваясь, пока загружается система, непринуждённо уставиться в потолок, но, выпрямляясь, случайно пнул её под столом. Ирис улыбнулась, не поднимая глаз. Тут в комнату ворвался Ариэль:

– Илья! – выпалил он и умолк, словно забыв, зачем его сюда занесло.

Внезапное вторжение вывело меня из замешательства.

– Ты как? Всё нормально? – опомнившись, напористо проговорил шеф, явно подразуме-
вая нечто большее, нежели мои личные дела.

– Всё...

– Идём, – он развернулся и вышел.

Ирис ободряюще кивнула.

– Илья, что мы будем делать?

– Простите, о чём, собственно, речь? – тактично осведомился я.

– Мы договорились. Причём заметь, я тебе ничего не навязывал. Обсудили и приняли
решение по обоюдному согласию. Признаюсь, я разочарован. – Ариэль выдержал многозначи-
тельную паузу. – Это дело принципа. Соблюдение взаимных договорённостей – основа здоро-
вых рабочих отношений. В четверг мы...

– Но я же пришёл в десять! – выпалил я. – На час раньше, как вы и...

– Не в десять, а в начале одиннадцатого. Я специально ждал – тебя не было.

Я хотел ответить, но чувствовалось, что шеф ещё только подбирается к пику своего моно-
лога.

– Возможно, тебе кажется, что точное время прибытия не так уж важно? – бушевал
Ариэль. – Ошибаешься! Напротив, оно архиважно! В этом отражается всё твоё отношение
к работе!

Ариэль взглянул на меня. Я молчал.

– А как иначе?! – возмутился он. – С этого начинается рабочий день. Это базис. Основа.
То, что ты проецируешь...

Шеф говорил. Говорил жарко и напористо, демонстрируя незаурядное красноречие
и широкий спектр ораторских приёмов.

– Ариэль, в принципе, я полностью согласен, – осторожно вымолвил я, дождавшись
конца. – Но в данном конкретном случае не в силах что-либо изменить. Есть расписание рей-
сов...

Зазвонил телефон. Шеф сорвал трубку и сделал предупредительный жест.

– Важный разговор, – прикрыв микрофон, он кивнул на дверь.

Скоропостижно вышвырнутый из кабинета, я потоптался в коридоре и решил спуститься
покурить и развеяться. Снял ключ с дощечки напротив комнаты Кимберли и инстинктивно
взглянул в её сторону. Она игриво пошевелила пальчиками и произнесла одними губами «ха-
ай!».

Покурив, поднялся наверх, зашёл в туалет и вернулся в офис. Когда вешал ключ, дверь за моей спиной распахнулась. Я обернулся и прямо перед собой обнаружил Кимберли со всеми выпирающими округлостями.

– Эй, а что ты так долго делал в туалете? – с обезоруживающей непосредственностью выдала она.

– Вам нечем заняться? – процедил я.

– Ты чего? – Кимберли нелепо захихикала.

Интересно, она за всеми подмечает, кто сколько времени проводит в уборной, или один я удостоился? Наверняка можно было свести всё к шутке, но я даже в шутку не заигрываю с женщинами, с которыми не планирую лезть в постель. Прежде всего, из соображений экономии жизненной энергии и душевной гигиены.

– Ты сегодня какой-то квёлый. Всё хорошо?

Я отвернулся, вошёл в комнату, сел и уставился в монитор, чувствуя, что Кимберли всё ещё околачивается на пороге. Когда она ушла, позвал Тима, и мы засели за код. Потом я отправился в лабораторию, где провёл остаток дня, купая в аквариуме ультразвуковые сенсоры. Таня-Марина производила измерения для исследования моей гипотезы, Тим Чи заглядывал подсобить с настройками, да забегал Ариэль и устраивал проверки бдительности:

– Что делаешь?

– Опыты.

– Как идёт?

– Нормально.

Вечером я вымыл аквариум и вернул утомлённые артерии в морозильник.

* * *

Во вторник я уже никуда не спешил, не носился по павильону, не переживал из-за пробок. Бегай не бегай – вовремя всё равно не успеть. Интересно, когда шефу наскучит устраивать утренние разборки полётов? По прибытии проследовал в кабинет, внутренне готовый к очередной экзекуции.

– Не сейчас, – отмахнулся Ариэль.

Придя в комнату, я занялся кодом. С непривычки чертовски отвлекло лицо Ирис, маячившее над экраном. Задумываясь, я отводил глаза от монитора и наталкивался на неё. Чувствуя это, она насмешливо поглядывала на меня. Когда настало время обеда, мы с Тимом, не сговариваясь, отказались и вернулись к обсуждению протоколов генератора-приёмника. В опустевшем офисе, где никто не врывался поминутно с вопросами, водворилась рабочая атмосфера, и мы быстро во всём разобрались, после чего я, наконец, приступил к настоящему делу. Не терпелось поэкспериментировать с цифровыми фильтрами и исследовать несколько идей.

– Ты куришь, верно? – войдя, Ирис остановилась подле меня.

– Угу... – пробормотал я, силясь понять, почему мои фильтры урезают гораздо больший диапазон частот, чем предполагалось.

– О! А то я здесь как белая ворона, – обрадовалась она. – Идём вниз?

– Погоди минутку, у меня тут кое-что...

Я попытался наскоро проверить ещё два вертевшихся в уме варианта, но её присутствие мешало толком сосредоточиться. Я поднялся, и тут появился Ариэль:

– Я говорил со Стивом, – возвестил шеф, – из первичных данных уже ясно, что ты оказался прав. Хвалю, отличная работа, – он энергично потряс мою руку и продолжил на одном дыхании. – Я занят по горло – встреча с инвесторами. Сегодня вы без меня, ребята. Дерзайте, мировая медицина ждёт от вас подвига!

Благословив нас в такой своеобразной манере, он стремительно удалился.

– Давненько его таким не видела, – призналась Ирис. – Поздравляю.

– Мне просто повезло, – отозвался я с наигранной небрежностью.

– А как вообще у тебя с ним?

– С переменным успехом. Он мне каждый день устраивает... – я запнулся, подыскивая слово, – беседы. Вчера, к примеру, втирал об «обоюдном согласии».

Уловив заинтересованное выражение, я продолжил.

– Ты разве не в курсе, как выглядит обоюдное согласие в исполнении Ариэля? Он говорит – надо так и эдак. Я возражаю. Он настаивает, что иначе никак. Я нехотя произношу «ладно». И вот, пожалуйста, – обоюдное согласие состоялось.

Ирис рассмеялась, и я принялся рассказывать о неразрешимой дилемме времени прибытия на работу. Но торчать на солнце было жарковато, и нам пришлось прерваться. Она вернулась в здание, а я отправился обедать и заодно разведать окрестности. Когда-то я учился неподалёку и нередко гостил у знакомых, живших в частных домиках американской мечты с газончиком перед крыльцом, мощёной дорожкой, стоянкой у ворот гаража и непременно бассейном на заднем дворе, где осенью плавают опавшие листья и никто никогда не купается.

Спальные районы утыканы этими однотипными мечтами, расставленными вдоль улиц, дробящих окраины на прямоугольные секции. В деловой части города всё иначе. Реставрированные дома перемежаются постройками современного стиля с зеркальными окнами. Большинство зданий невысокие, в несколько этажей, и далеко отстоят друг от друга, создавая ощущение лёгкости и простора. Мерно кляца, проплывает белый трамвай. По краям широких тротуаров – деревья, их кроны смыкаются над проезжей частью. Облицовочный камень подходит вплотную к стволам, и кажется, что деревья воткнуты в гранит.

К вечеру я осознал, что уже ничего толком не помню о дизайне цифровых фильтров. Неуверенность в себе усугубляли покрывшие добрую часть стола графики – свидетельства неудачных экспериментов. Я погрузился в интернет и вынырнул, когда времени оставалось совсем впрытык. С досадой скомкал распечатки, вызвал такси, включил сигнализацию и стал запира́ть дверь.

– Стой! Илья! – слышалось изда́лка. – Погоди, не закрывай.

Я различил гулкий топот, а потом и избегающего по лестнице Ариэля.

– Хорошо, что застал, – выпалил он, трусая навстречу с неподражаемым гиппопотамьим изяществом и шумно отдуваясь. – Забыл ключи внутри.

– Мне пора, – я невольно улыбнулся, распахивая перед ним дверь. – До завтра, Арик.

И тут же машинально отметил это «Арик», вырвавшееся случайно и давшееся так естественно.

* * *

На следующее утро, едва я вошёл в офис, Ариэль возник на пороге кабинета и потребовал проследовать к нему. Я положил вещи, обменялся молчаливым взглядом с Ирис и вышел в коридор.

– Так продолжаться не может, – с ходу завёлся он.

Я закрыл дверь и сел.

– Илья!

– Да?

– Так не может больше продолжаться.

– Не может.

– Ты должен прекратить опаздывать.

– Это зависит не от меня.

– Мне надоели отговорки!

– Ариэль, пойми, самолёт ровно раз в час. Прилетает без четверти. Неважно, без четверти десять или без четверти одиннадцать. Ещё минут двадцать на такси. Плюс очередь, пробки...

– Но ведь на прошлой неделе ты пришёл вовремя.

Пришлось объяснять, что рейс прибыл раньше, и всё так сошлось совершенно случайно. При этом Ариэль смотрел на меня с лёгкой брезгливостью, будто на воришку, пойманного с поличным.

– И что же нам делать?

– Договориться, что я прихожу в десять десять, а лучше в десять пятнадцать. Чтобы непредвиденные задержки...

– Нет, это несерьёзно.

– Почему?

Он сгрёб подбородок и погрузился в размышления.

– Да, совершенно несерьёзно, – повторил он спустя пару минут. – Ты обязан приходить вовремя.

– Ариэль, неважно что мы решим, авиакомпании не изменят расписание.

– Это твоя проблема, возьми ответственность и прими меры.

– Но самолёты не начнут летать быстрее... дорога до аэропорта не станет короче, и что бы я не делал, в ноль-ноль никак не получается и вряд ли когда-нибудь получится.

– Это недопустимо! Я приверженец пунктуальности и не могу делать вид, что не замечаю четвертьчасового отклонения от графика. – Он обвёл комнату страдальческим взглядом. – Пару минут я бы ещё мог простить, но пятнадцать...

Я хотел возразить, но он остановил меня, резко вскинув правую руку.

– Преступно тратить драгоценное время. Мы договорились, обсудили – ты согласился. Теперь твой долг найти решение.

Я развёл руками и молча дождался, пока иссякнет новый каскад обвинений. Натрындевшись, он рассеянно спросил, как я продвигаюсь, и, не дослушав, выводил вон.

Ирис встретила меня долгим понимающим взглядом, от которого я ещё больше обозлился. Она занималась медицинскими аспектами, только что вернулась со встречи с врачами, и мы отправились обедать. За едой разговор зашёл о телесериалах. Я погрузился в мрачную рефлексию по поводу утренней экзекуции.

– Илья, а ты какие сериалы смотришь? – Татьяна глядела широко распахнутыми кукольными очами.

– У меня нет телевизора, – я угрюмо проглотил недожёванный кусок.

– Как это?! – её глаза раскрылись пуще прежнего.

– Представляешь?! – это неподдельное изумление меня развеселило.

– Ни фиги себе! А как ты отдыхаешь? – продолжала недоумевать она, не улавливая иронии.

Ирис со Стивом переглянулись, сдерживая улыбки.

– Я прихожу домой, – Таня-Марина независимо повела плечами, – и мне по-любому надо час-другой поваляться перед теликом, расслабиться, прийти в себя.

– И что? Разве это единственный способ?

Осушив остатки колы, я поставил бутылку на стол и крутанул. Тут важно точно рассчитать силу, и тогда, вращаясь и раскачиваясь, она сохраняет динамичное равновесие, касаясь поверхности лишь в одной точке. Татьяна набрала побольше воздуха, чтобы ответить, но фокус сбил её с толку. Она заворожённо следила за крутящейся бутылкой, производившей пупырчатым доньшком быстрый дробный стук. Канал переключился, телевизоры были забыты.

– Честно говоря, у меня тоже до недавних пор не было телевизора, – сказал Стив, когда бутылка остановилась. – Но потом появились дети и пришлось купить.

Оторвавшись от застывшей ёмкости, Таня-Марина вытаращилась на него, не в силах снести такого вероломства. Она так и не смогла оправиться, и разговор плавно перетёк на Ариэля. Судя по всему, эта тема обещала стать неотъемлемым блюдом наших обедов.

Внезапно все притихли. Ирис указала глазами мне за спину. Я обернулся и увидел Кимберли вместе с Ариэлем. Они прошествовали мимо, и офис-менеджер одарила всех оборотистой змеиной улыбкой, а Ариэль сделал вид, что нас не заметил.

* * *

Очередное утро не обошлось без традиционного рандеву в кабинете начальника. Шеф был хмур и озабочен больше обычного. Мы помолчали. Я ждал дежурного вопроса, но Ариэль погрузился в себя, словно забыв о моём присутствии.

– Нашёлся подходящий лэптоп, – решил начать я. – Видел мейлы? Я выслал спецификации.

– Угу... – рассеянно промычал Ариэль и снова умолк.

– Что думаешь?

– А чем, собственно, тебе не нравится тот, что я выдал?! – вскинулся он.

Такой поворот был полной неожиданностью. Дав это задание, Ариэль настырно интересовался продвижением и поторапливал оформить заказ.

– Так чем же плох твой лэптоп? – настаивал шеф. – Превосходная машина. Для твоих нужд – вполне достаточно.

Я хотел напомнить, что поручение исходило от него самого, но это могло послужить поводом для очередного препирательства, в итоге которого я как пить дать оказался бы кругом виноват. Помалкивая, я с горечью вспоминал, сколько времени было потрачено на поиски и на сравнение конфигураций.

– Я ещё раз всё обмозговал и склоняюсь к мысли, что такими темпами мы не сдвинемся с мёртвой точки. Ты приходишь в начале одиннадцатого, – с выражением стоического терпения Ариэль затянул утреннюю мантру, – мы обсуждаем насущные вопросы, и ты отправляешься на обед. Так проходит половина дня. Это неприемлемо!

К концу стоицизм выветрился, и он – в излюбленной манере подкреплять умозрительные тезисы звуковыми эффектами – шандарахнул ладонью по столу.

– А потому я вижу единственное возможное решение: ты должен приезжать раньше. Говоришь – рейс раз в час, так вот...

Он что, совсем рехнулся?! Я и так встаю в полшестого. Тем временем начальник яростно аргументировал свою новую блажь.

– Ариэль, мы договорились на десять, – дождавшись, когда он заткнётся, сдавленно произнёс я. – Ты сказал, что, единожды решив...

– Знаю, – восстановив самообладание, проговорил он. – Но это общепринятая конвенция. Ты работаешь в коллективе и обязан соответствовать.

– Послушай, если проблема действительно в дообеденных часах, может, прекратим эту каждодневную утреннюю грызню?

– Утром мы обсуждаем текущие задачи и со временем, когда ты полноценно вольёшься в производственный процесс, эти встречи станут ещё важнее.

– Хорошо. Тогда, давай я буду обедать позже или раньше, как угодно. Всё равно, я буду работать один! И, в конце концов, мы договорились. Ты хотел в десять – я прихожу в десять. Мы до-го-во-ри-лись.

Он схватил ручку, покрутил, нервно пощёлкал кнопкой и отложил.

– Оставим пока всё как есть, – пробурчал он исподлобья. – Больше не задерживаю.

После выяснений отношений сложно сосредоточиться. Когда я выхожу из кабинета, споры продолжают в моей голове. Я изыскиваю и эффектно вворачиваю новые, всё более и более убедительные аргументы, и, подавленный их мощью, начальник признаёт мою правоту.

В очередной раз возобладав над шефом в своём воображении, я успокоился и взялся за дело. Ирис не было, и меня ничто не отвлекало. Даже Ариэль не дёргал своими визитами и звонками. Обычно он звонил минимум раз пять в день. При этом мы находились на расстоянии трёх метров, и сквозь гипсовую перегородку его было слышно почти так же хорошо, как в динамике телефона, что создавало интересный стереоэффект.

После обеда заявила Кимберли, встала руки в боки и завела шарманку с «как я себя чувствую?», «как, да почему я выгляжу, как я выгляжу?» и «славно ли мне спится по ночам?».

– Ты не заболел? – участливо осведомилась она. – Неужто о тебе некому позаботиться?

Интересно, что она выбирала исключительно те моменты, когда не было Ирис. Я поёжился. Эта сладкая парочка – Ариэль с Кимберли, меня доконает.

Вечером нагрянул не на шутку всполошённый шеф:

– Илья! Хочу, чтобы завтра же ты составил план проекта локализации стенок сосуда. Необходимо всё переделать и разработать новые методики. – Он стиснул кулаки. – Ты наверняка заметил: программа, написанная Тимом, – лишь упрощённый вариант. Времени мало, а ставки высоки. Я верю, что ты приложишь все усилия, чтобы найти оптимальное решение.

Я законспектировал его требования в рабочей тетради.

– Хорошенько продумай сроки. Напиши черновик, в понедельник обсудим.

Я кивнул и для вида пририсовал ещё закорючку. Ариэль продемонстрировал большой палец и вышел. Только я вернулся к работе, раздался звонок:

– Совсем забыл: перед уходом набросай план на завтра.

– Разумеется.

План составления плана? Этот процесс предстал предо мной в виде бесконечной рекурсии. Отогнав завораживающий образ, открыл почту и настучал:

План на 22.05.2015

Разработка плана проекта локализации стенок.

Ключевые пункты:

- 1. Выявление основных этапов.*
- 2. Прогнозирование сроков.*
- 3. Составление плана.*

Глава 7

*Женщины от безысходности и трагизма заламывают руки,
закладывают за воротник и рвут в клочки последнее бикини.
Владимир Свержин*

Отоспавшись, я выбрался в гостиную, включил компьютер и потянулся за сигаретами. Замерцали мониторы, и электронная почта услужливо сообщила о новом письме. «Доброе утро, Ариэль!» – ухмыльнулся я, машинально отмечая, что мейл получен в 10:01 и, вероятно, отнюдь не случайно. Подобрал босые ноги с прохладного пола, принялся читать:

*from: ariel.drillig@biospectrum.com
to: ilya.dikovsky@gmail.com
date: 22.05.2015
subject: Workplan*

Доброе утро, Илья!

Хочу обозначить твою основную цель...

Забавное начало. Действительно, пора определиться в этом животрепещущем вопросе. Я отыскал зажигалку среди хлама, скопившегося за последнюю неделю и придавшего моему жилищу более привычный вид, закурил и продолжил:

...цель – детекция поверхности сосуда.

А именно: по истечении семи месяцев, ты продемонстрируешь детекцию стенок кровеносных сосудов с помощью собственной программы, используя...

Бла-бла-бла... я потёр воспалённые веки, так... О! Вот:

Разработка первичного варианта заняла почти год, но у Тима не имелось соответствующего опыта. У тебя он есть, и потому это не должно составить труда. Но, делая скидку на то, что сегодня требуется реализовать широкий спектр дополнительных возможностей, я выделяю предостаточный период времени. Итак, в вышеуказанные сроки необходимо переделать существующее, а также разработать компоненты для новой функциональности, оговорённой в четверг. В понедельник к полудню хочу видеть на своём столе подробный план проекта, ориентированный на то, чтобы сделать возможным достижение этой цели!

Прилагаю workplan Тима. Он его осуществил.

Последняя фраза казалась довольно странной, но, открывая документ, я начал догадываться, что имелось в виду. Текстовый редактор подвисал, и я с недоумением следил, как в углу бежали цифры. Наконец файл полностью открылся и высветилась надпись «страница 1 из 76». Забыв о тлеющей сигарете, я ошарашенно листал это монументальное творение. Ничего подобного мне видеть ещё не доводилось. Придя в себя, сдул упавший пепел и вернулся к письму:

Уточнение: ты не обязан составлять точно такой же документ, но план должен быть doskonaльным.

В течение первой недели можешь консультироваться с Тимом и, в случае надобности, также можешь...

Следующие пять абзацев посвящались тому, что можно и что невозможно. В общей сложности текст занимал три экрана. Заканчивалось послание так:

Дополнительные соображения относительно графика, сроков либо этапов проекта представишь в ближайший понедельник.

Хороших выходных, Ариэль!

К слову о выходных и планах, на сегодня у нас были намечены свои далеко идущие, а точнее едущие, планы. Ира давно хотела сводить Алекса в музей науки и техники и недвусмысленно намекнула, что моё присутствие крайне желательно. Принудительность участия в семейном мероприятии вызвала смешанные чувства. Впрочем, это предстояло чуть позже, а пока было самое время вернуться к шедевр канцелярского творчества.

Я просмотрел введение, привольно раскинувшееся страниц на пять. Потом двухстраничное оглавление. Перелистнув дальше, наткнулся на «Этап 01-А» и стал читать.

Тим счёл нужным предварить основную часть очередным описанием целей проекта и сжатым пересказом вступления. Следом он принялся за подготовку лабораторного опыта. Я воспрял духом, решив, что наконец добрался до сути, но не тут-то было. Первый лист посвящался инвентарному реестру, потом, как река весенним половодьем, расплылось повествование о том, как Тим намеревался настраивать генератор-приёмник, затем неспешно потекло сказание об осциллографе. На отдельной странице красовалась общая схема вышеописанного с многочисленными сносками и пояснениями. В заключение приводился перечень пунктов и подпунктов «Этапа 01-А», прилежно разделённых на категории и подкатегории.

Описывался каждый этап: «Вышеозначенный кабель 33-827-54 непосредственно подсоединяется к соответствующему...». Каждый провод был пронумерован семизначным числом. Почему семизначным, когда их во всей конторе от силы сотня-другая? Должно быть, видя себя первопроходцем будущей транснациональной корпорации, Тим мыслил масштабно. В таком ракурсе скрупулёзность его детища приобретала новый, возвышенный смысл. Тим Чи создал сакральный документ, скрижали, краеугольный камень, выковывая в поте лица и мучении мысли, становой хребет ультразвуковой диагностики на благо грядущих поколений.

Дальнейшее не уступало уже прочитанному в маразматической дотошности. Это ж надо такое удумать... «Он его осуществил». Вот это да! Не человек – человечисе, я бы даже сказал инженерище мирового размаха. Тим Чи предстал пред моим внутренним взором многоруким идолом, эдаким диковинным воплощением хайтековского Шивы.

Он выхватывал из окружающего ореола провода, и, осенённые священным сиянием, они срастались сами собой. Напряжением мысли сотворял из пустоты инновационные сенсоры и с ходу калибровал их усилием воли. Он вычислял, замерял, проверял и, попутно всё въедливо документируя, где-то за кадром, свободной конечностью выстукивал подробные мейлы

Ариэлю, неукоснительно соблюдая сроки, исчерпывающе удовлетворяя корпоративные нормы и взаимные договорённости.

Кстати, были же какие-то таблицы... ну-ка, ну-ка, чем ещё нас порадует Тим... Интересно сколько времени он ухлопал на эту писанину? Вспомнив о времени, я глянул на часы. Приходилось спешить, чтобы успеть что-нибудь пожевать перед наукой.

* * *

Выскочив из машины, Алекс хватает нас за руки, разбегается, прыгает и поджимает ноги. Мы подбрасываем его, и он пролетает несколько шагов.

– Ещё! Ещё! – заливисто хохочет он. – Раз, два, три!

И он снова летит. И от этой незамысловатой игры становится как-то по-особому солнечно и тепло на душе. Это мне, мне, в последние годы выбиравшемуся из дома лишь после наступления сумерек и прожигавшему ночи на давно опостылевших альтернативных вечеринках. На этом ристалище лицемерия, псевдо-контркультуры и показного веселья, маскирующего душевную пустоту, безысходность и заурядный разврат. Где каждый, подспудно ощущая всю мерзость этого мясокомбината, пытается поскорее обдолбаться всё возрастающими дозами наркотиков, чтобы не выпасть из ритма и храбро скалить зубы в ответ на такие же фальшивые улыбки окружающих.

– Ещё, мама, ещё! – кричит Алекс. – Раз, два, три!

И я, давно отвыкший от дневного света, неожиданно остро и полно ощущаю каждое мгновение, каждую мельчайшую деталь. Хочется целиком раствориться в этой игре, в этой улице, деревьях, растущих вдоль тротуара, и в тёплом ветре, полном запахов позднего цветения. Алекс заражает нас своим весельем. Мы смеёмся, как дети, и я тону в Ириных глазах, лучащихся настоящим чистым счастьем.

Держась за руки, мы подходим к стойке продажи билетов.

– Здравствуйте! – обращаюсь я к освободившейся девушке.

– Добро пожаловать! – она поднимает взгляд, и, кажется, наше настроение передаётся ей. – Хотите сделать семейный абонемент?

Мы с Ирой переглядываемся.

– Вы вместе? – уточняет она. – Это ваш ребёнок?

– Да, в каком-то смысле, – я делаю уклончивый жест. – Это моя подруга, а это её сын.

– Прекрасно. Пожалуйста, он вам поможет, – подавив игривый смешок, она кивает Ире на парня за соседней кассой, который тут же начинает что-то бодренько втирать на тему скидок для детей и их родителей.

Я делаю поползновение переиграть весь этот расклад, но Ира, оглядев не в меру прыткую девицу, даёт понять, что разберётся сама.

– Почему бы вам не взять студенческий абонемент? – тем временем стрекочет молодая кассирша. – Представляете, это даже дешевле, чем обычный билет! Пожалуйста, вашу студенческую карточку.

- Вы знаете... я оставил её в библиотеке.
- Ничего страшного.

Оформляя бланки, она то и дело кокетливо улыбается. Ира уже расплатилась и наблюдает за нами со стороны. Наконец заполнение бумажек окончено, абонемент заботливо вложен в рекламный буклет, и мы направляемся к входу.

- Ох, Илья-Илья! – усмехается Ира, качая головой и потешно хмуря брови.
- А что? Я, кажется, вёл себя вполне прилично...
- О да, буквально монахиня-молчальница – скромна и недоступна.

Экспонатом, безраздельно поглотившим внимание Алекса, оказалась немецкая подлодка, захваченная в ходе Второй мировой. «Крушение Титаника послужило импульсом к развитию эхолокации на флоте. А в 1915 году появилась одна из первых ультразвуковых систем для обнаружения подводных лодок», – прочёл я на стенде. Это заинтриговало Алекса, и я развился целым панегириком ультразвуку, а потом добавил, что у летучих мышей есть похожие штуки для ориентации в темноте. Алексу очень понравилось, и он заявил, что тоже хотел бы так уметь.

- Кстати, примерно этим я и занимаюсь на работе.
- А что ты делаешь? – с готовностью подхватил он.
- Я... да преимущественно ругаюсь с начальником. Точнее – меня ругают, а я поддакиваю и вежливо улыбаюсь.

Ира расхохоталась.

– Нет, ну, если действительно интересно, я, так и быть, открою тебе этот секрет, – прошептал я таинственным голосом. – Только учти, это коммерческая тайна, так что никому ни-ни.

Дальнейшая экскурсия проходила под знаком моей работы. В павильоне, посвящённом медицине, я рассказал Алексу о сердце и системе кровообращения.

– Вот смотри. – Забравшись в громадный макет, мы стояли в левом предсердии. – Допустим, внутри есть зловредная опухоль. Условно назовём её «выхухоль». И мы хотим её извести. Но важно не повредить поверхность, покрытую нежной кожей, – я провёл ладонью по стенке миокарда. – Резать нельзя. Что же делать?

- Лазером, можно лазером.
- Верно, лазер – вполне недурственный вариант. Мы используем ультразвук, но это похоже. Однако вот в чём загвоздка: лазер прожжёт всё на своём пути. Как же быть?

Алекс пожал плечами.

– Элементарно. Берём много слабых излучателей и расставляем вокруг, – для наглядности я продемонстрировал расположение. – Все они направлены в одно место. Пройдя сквозь

разные точки поверхности и не повредив её, их лучи собираются вместе и выжигают эту гадость. Капиш?

– Капиш! Это как с линзой?

– О, точно! Когда подносишь пальцы вплотную к стеклу, лучи еле греют, а там, где они встречаются, бумага загорается. Ты ещё обжёгся, помнишь?

– Но мне было не больно!

– Ага, так вот, мы делаем такую же штуковину с ультразвуком, – проговорив это вслух, я сам поразился, как всё просто. – А хочешь, ещё кое-что покажу?

– Хочу-хочу.

– О'кей, мы только что видели фильм о том, как работает сердце.

Алекс кивнул.

– Когда спишь, оно бьётся медленно, а когда бежишь – быстро, и ты чувствуешь стук в ушах. Во-о-от... Но сердце не само решает: в него приходит сигнал из спинного мозга и даёт команду сжиматься и разжиматься. А бывают болезни... скажем, аритмия... когда что-то в этой системе нарушается. Взять хоть...

– Илья, идём, – позвала Ира. – Ты ребёнку совсем голову задуришь.

– Нет, мама, я хочу! – заканючил Алекс.

Я бросил на неё победоносный взгляд и продолжил.

– Взять хоть эти сосуды. По ним из лёгких поступает обогащённая кислородом кровь, – я встал на цыпочки и дотянулся до отверстий в верхней части. – Но иногда (не важно почему) через них тоже приходит сигнал и тоже даёт команду сокращаться. Как думаешь, что произойдёт?

– Что? – растерялся Алекс.

– Да сердце просто запутается – начнёт мельтешить, трепыхаться и может захлебнуться.

Ира прислонилась к стене и картинно закатила глаза.

– И тогда точно так же, как с опухолью, то есть выпухолью, берём и аккуратно выжигаем нервы, по которым идут вредные импульсы. И всё хорошо. Все здоровы, – я шутливо ткнул Алекса в живот. – Ладно, идём, не то мне твоя мама уши отвинтит, и тут, сам знаешь, уже никакой лазер не поможет.

* * *

После музея я собирался заняться составлением плана. Оставалось несколько часов, пока Ира уложит ребёнка и освободится. Общая картина проекта более или менее прояснилась. О сжатых сроках я старался до поры не думать. За отведённое время, конечно, не удастся толком поэкспериментировать, но состряпать прототип – вполне. А там, если что – доработаю.

Усевшись, я обнаружил новый мейл:

Илья!

Распределение времени, когда ты работаешь дома, оставляю на твоё усмотрение, однако ожидаю соблюдения стандартного девятичасового рабочего дня, полную подотчёт-

ность и крайне желательно, чтобы часы работы совпадали с официально установленными. Естественно, в редких случаях позволительны исключения.

После вступления, сквозившего плохо скрываемым недовольством, он счёл нужным добавить:

Полагаю, ты понимаешь общую идею.

Чего уж там, понимаю. То есть, казалось, начинаю понимать.

К слову, довожу до твоего сведения, что в четверг в десять утра будет проводиться еженедельное общее заседание. Изменить установленное время не представляется возможным, прими во внимание и организуйся соответственно. В этот день надлежит приходить заранее. До десяти!

Приятного продолжения выходных, Ариэль!

Молодец! С изобретательностью всё нормально! Измыслил-таки способ заставить меня приезжать раньше хотя бы раз в неделю. Ещё мне нравилась эта безликая форма. Можно подумать, будто требования исходят не от него, а от некой высшей инстанции. Что, с одной стороны, придавало им непререкаемую весомость, а с другой – снимало с него ответственность. Крайне удобная позиция, чтобы диктовать условия, за которыми не кроется ничего, кроме самодурства.

Оставив эти размышлизмы, я набросал эскиз первой части. Дальше пошло сложнее, пока было не вполне понятно, что именно от меня требуется. Новую функциональность мы действительно собирались обсудить, но так и не успели, и поэтому я высказался обтекаемо.

Впрочем, несмотря на отсутствие деталей, было ясно, что во второй части мы входим в зону неизвестности. Поди знай, способно ли наше оборудование предоставить удовлетворительные исходные данные. Более того, вполне может выясниться, что задача в принципе невыполнима в рамках сегодняшних технологий, как с точки зрения ультразвука, так и с точки зрения алгоритмики. Но так или иначе ответственность ложится на меня. Мои профессиональные качества подвергаются испытанию, и на периферии сознания свербила подлая мыслишка, что на сей раз, может статься, мои знания и навыки окажутся недостаточными.

В связи с этим особенно тревожили сроки, не поддающиеся даже приблизительной оценке. Любое инновационное исследование сопряжено с долей риска, и одним из возможных выводов мог оказаться тот факт, что проект неосуществим в указанное время. Подписываться в такой ситуации под сроками, которые Ариэль изначально уконтрапупил до минимума, – самоубийственная затея, и в понедельник необходимо обстоятельно обсудить этот вопрос.

Перечитав и внося мелкие правки, не стал отсылать, решив дождаться воскресного вечера. Пусть сложится впечатление, что я все выходные трудился не покладая рук.

* * *

– Сегодня тебе нравится Ира, а через месяц кто? Катя? Маша? Наташа? Ты же сам понятия не имеешь, что с тобой будет завтра.

– Ир, зачем ты так?..

Вот во что превращается очередная попытка завести разговор о переезде в Сан-Франциско.

– Это что, сцена ревности?

– Илья...

– Нет, Ира, вот зачем ты это говоришь? – я чувствую, что начинаю злиться. – Я, вроде, не давал повода. Или ты про кассиршу? Так я же не сделал и полшага ей навстречу. Или тебе кажется, что за твоей спиной я бы поступил иначе?

– Нет, я не про кассиршу. И нет, мне не кажется, что сегодня ты бы поступил иначе.

– Так в чём же дело?

– В том, что я мать. У меня есть ребёнок. Я обязана думать о будущем. О его будущем в первую очередь.

«Я мать», – это нечестно. Это ультимативный аргумент в любой ситуации. А ещё угадывается недосказанное окончание фразы: «я мать, а ты оболтус и шалопай».

– Да, ты мать, – говорю, сделав несколько глубоких вдохов, как советует мой друг Шурик, употребляя новомодный термин anger management¹². – Этот факт не укрылся от моего внимания. И... я прекрасно нахожу с твоим сыном общий язык. Ты сама не раз об этом говорила, ведь так?

– Так... – отрешённо кивает Ира.

Я жду продолжения, но она смотрит в сторону. Я узнаю этот взгляд, этот тон и эту позу. Разговор окончен. Она замкнулась и больше не слушает.

– Ир, но ведь ты знаешь, что я и на этом фронте стараюсь, – не в силах остановиться, предпринимаю ещё попытку. – Если я что-то делаю не так – дай знать. Говори со мной, скажи что-нибудь, не молчи.

– Это не фронт, – роняет она.

– Ира! – поймав себя на том, что уже кричу, резко понижаю тон. – Ир, я забочусь не только о тебе, но и об Алексее. Разве ты не замечаешь? Ты знаешь, ты не можешь не видеть, как мне это важно. Действительно важно. Ты делишься переживаниями, рассказываешь о его проблемах. Я переживаю вместе с тобой. Стараюсь помогать, участвовать. Последнее время ты сама обращаешься за советами и нередко их принимаешь. Так в чём же дело? Объясни, пожалуйста!

По её лицу пробегает тень неясного мне, затаённого страдания.

– Я не хотела об этом, но ты давишь и настаиваешь... – произносит она совсем тихо. – Вспомни хотя бы, что ты устроил на прошлой неделе. На глазах у моего сына чуть не сорвался с пятого этажа. Рисковал собой, рисковал им... Ради чего? Погеройствовать приспичило?

– Ира!

– Нет уж, дай мне закончить. Пойми: я и мой сын, в отличие от тебя, не живём в приключенческом фильме. Ты хоть отдаёшь себе отчёт в своих действиях? Втянул ребёнка в свою

¹² Anger management – комплекс методик управления гневом.

погоню за адреналиновым кайфом. Мало того, ещё и соседей приплёл. Нам тут жить, а твои неадекватные поступки...

– Какие, блин, соседи? – я выматерился. – Твой сын был заперт в квартире один! Я! Хотел! Его! Спаси!

– Да, Алекс был заперт – это плохо. И ты помог. Спасибо. Но «спаси»?! Ему не угрожала опасность, и я всё время говорила с ним по телефону. Мы не на войне. Не в триллере. И нечего корчить из себя последнего героя боевика. Подумай хорошенько, кому это надо? Мне или тебе? Что было бы со мной, если бы ты упал? И главное, раз ты так заботишься о моём сыне... что было бы с ним, если бы ты остуился и разбился, а он стоял в окне и смотрел бы на это!

– Ир, ты чего?! Не надо утрировать. Это не штурм Эвереста – просто перешагнул из одного окна в другое. Зачем ты так?

– Ты превратил бытовую неурядицу в чёрт знает что. Я не могу запретить взрослому человеку рисковать собой, но учти, я не позволю подвергать опасности моего ребёнка.

Повисает гнетущая пауза.

– Илья, мы всё не раз обсудили. У тебя новая работа, – продолжила Ира усталым голосом, – ты полон энтузиазма, ты говоришь прекрасные слова, и очень хочется верить... Но я так не могу, мне нужно время. На мне большая ответственность...

– Ир, время играет против нас. Мы ждём наших встреч неделями, видимся урывками, в часы, когда я, ошалевший, приезжаю из аэропорта, а ты уже ни то что не в состоянии чему-либо радоваться, тебе с трудом удаётся не заснуть. В итоге у обоих накапливается ощущение безысходности и разочарования. Разве ты не видишь, к чему всё идёт?

Ира молчит, и я знаю, на сей раз это окончательно. Я приближаюсь к точке кипения и заблаговременно ретируюсь на балкон. Достая сигареты. Жадно затягиваюсь. Докурив, зажигаю от окурка вторую, и внутри ещё тлеет надежда, что она придёт и скажет что-нибудь примирительное. Но этого не происходит. Я пробую успокоиться. Дышу носом. Грёбанный anger management не помогает. Невидящим взглядом озираю окрестности. Обида накапывает волнами, но вот, наконец, удаётся прийти в себя. Отщёлкиваю недокуренную, третью по счёту, сигарету и быстро возвращаюсь в комнату.

– Ира, я люблю тебя. Мне никто не нужен. Только ты и Алекс. Давай попробуем. Будем жить во Фриско, а не в этом треклятом мегаполисе. Снимем дом неподалёку от моря. Тебе не придётся горбатиться на двух работах. Сможешь заботиться о сыне. Он не будет сидеть один или с этой... полоумной соседкой с её оладушками... Ира, ты меня слышишь? Ир, в конце концов, тебе не жаль наших отношений?! Скажи, что ты хочешь?! Чего тебе не хватает?!

Она сидит, молчит и смотрит в сторону.

– Ира! Ты слышишь?! – ору я. – Ответь мне! Скажи что-нибудь!

Я топчусь перед ней как... да просто как придурок. Хочется ещё так много добавить, но нет смысла.

– Я пойду, – говорю упавшим голосом.

И отмечаю, что впервые у меня прорезался именно этот, такой же, как у неё, тон. Я чувствую – сегодня нечто произошло. Возможно, я взрослею... Она бросает короткий взгляд,

будто хочет что-то добавить, и снова отворачивается. Постояв, киваю сам себе, иду в прихожую, беру вещи и тихо прикрываю дверь.

* * *

Я в ночном баре, сижу у стойки и методично напиваюсь. «Я мать», «я должна думать о будущем», «у меня есть ребёнок, а ты оболтус и шалопай» – фразочки, которые она вонзала в меня с холодным садизмом, гулко бьются в опустошённой черепной коробке, резонируя многократно усиленным эхом.

В разгар этой адской какофонии приходит СМС:

Olesya: *Я стараюсь переносить с достоинством то, что не могу изменить. Прощаю себе слабости и поощряю силу идти дальше. В этом мире мы всего лишь люди, а для кого-то мы – целый мир... Мне не за что винить тебя, потому что ты такой, как есть. Спасибо, что отпустил меня. Всё предрешиено, а расставание было бы больнее. Береги себя, милый.*

Это моя бывшая эпизодическая подруга. Она была крайне аппетитной, охренительно трахалась, постоянно чего-то требовала и, обладая непомерными амбициями, покамест днями работала в отделе телемаркетинга, а ночами пела по кабакам. Наши отношения состояли из колоритных скандалов и бурного секса. Я бросил её месяца три назад, познакомившись с Иррой.

Собравшись с мыслями, я нащёлкал:

Пуя: *Леся, ты сильная и умная. Я за многое тебе благодарен и желаю всего наилучшего.*

Тут же пришёл ответ:

Olesya: *Я тоже желаю тебе самого наилучшего. Ты прекрасный человек. Удачи тебе!*

И через пять минут:

Olesya: *Если не верить в себя, нельзя быть гением. Оноре де Бальзак*

Я не видел смысла реагировать на эту бредятину. Заказав очередную стопку, вышел покурить и, вернувшись, обнаружил новое сообщение.

Olesya: *Пытаюсь уснуть, никак не получается...*

Тут меня переклинило, я выпил и заказал ещё две.

Пуя: *Sleeping is not exactly what I had in mind...*¹³

Olesya: *А о чём ты думал?*

Браво! Певица в своём амплуа. О Бальзаке я думал, об Оноре!

¹³ Sleeping is not exactly what I had in mind... – Сон – не совсем то, что было у меня на уме...

Пуя: *Я хочу тебя. Давай встретимся.*

Olesya: *Если это единственное, что ты можешь предложить, меня это мало интересует. Это не то, что я ищу.*

И сразу ещё:

Olesya: *Это пренебрежение мной и тем, что у нас было. Лучше бы ты нашёл кого-то другого, потому что мне противно. ПРОТИВНО! И знаешь, думаю, ты так же кого-то водил, когда мы были вместе... Гадко и подло! Мне жаль, что всё именно так. Ты не имеешь уважения в первую очередь к самому себе.*

Лицемерная сука, дрянь, дрянь, – стучало в голове. Собрав всю накопившуюся злобу, я выщедил её по капле, расчётливо подбирая слова и вкладывая в каждую букву мегатонны ненависти.

Пуя: *К чему разыгрывать оскорблённую невинность? Я говорю искренне, не пытаюсь рассказывать сказки и давать несбыточные обещания. Да, у нас не сложились отношения, и я ушёл некрасиво. Но такая страсть и гармония – редкость. Я даже не о самом сексе, но я знаю, ты не могла забыть моменты сладостного предвкушения... как ты дрожала от одного звука моего голоса... и именно поэтому мы не созваниваемся, а шлём СМС-ки.*

Она переваривала это довольно долго.

Olesya: *I'm a vulnerable girl, why do this to me?*¹⁴ *Мне нужен человек, который будет идти рядом, рука об руку... развиваться со мной, радоваться со мной... Перестань манипулировать моими чувствами!!!*

Я чуть не взвыл от этого ханжества. Вспомнив об anger management, я отдышался, взял себя в руки и сублимировал презрение в холодной лицемерной форме.

Пуя: *Хорошо, прошу прощения за бестактность.*

И сразу отпустило. Ответ пришёл почти мгновенно.

Olesya: *Спасибо за понимание.*

Я глумливо усмехнулся.

Olesya: *Я всё знаю и чувствую... но не хочу больше боли.*

Мне было уже до лампочки. Я продолжал стремительно надираться, закусывая конопляным дымом. В начале третьего пришло сообщение:

Olesya: *Заедешь? Буду рада тебя видеть.*

Пуя: *Даже не знаю... Ты же хрупкая и ранимая.*

¹⁴ I'm a vulnerable girl, why do this to me? – Я хрупкая девушка, зачем ты так со мной?

Язвительность ненадолго приободрила меня.

Olesya: *Случится то, чему суждено... You never know, unless you try...*¹⁵

Я молчал.

Olesya: *Я тоже хочу тебя, ты один или у тебя есть подруга?*

Цуя: *Есть подруга.*

Olesya: *Как ты можешь?! Если бы ты на самом деле ценил то, что у нас было, никогда бы не предложил такое!*

Я уже настолько пьян, что не ощущаю никакой разницы от новых порций. Звук в телефоне отключён. Сижу и тупо пялюсь в пространство. Через некоторое время бармен стучит по экрану моего мобильного. Нехотя беру и читаю:

Olesya: *Я просто хочу быть честна с тобой – у меня тоже есть бойфренд, и мне кажется, что это будет неправильно...*

Ир, ты ведь этого хотела! Я опрокидываю последнюю рюмаку и сую под запотевшее доньшко мятые банкноты. Спустя полчаса я ебу певицу прямо в прихожей, уперев руками в стену, задрвав короткое платье и сжимая в кулаке её тугие волосы.

* * *

Проснувшись к середине дня, я мрачно констатировал отсутствие алкогольного похмелья, зато моральное было в полном разгаре. Потянулся за недобитым косяком. Потом, не вылезая из постели, скрутил и высмолил подряд ещё и ещё один. Накурившись до остекленения, выполз в гостиную и с отвращением обнаружил очередное послание:

Илья!

Касательно проекта детекции поверхности сосуда, я прихожу к заключению, что задача вполне выполнима за пять месяцев.

Учти: в сентябре состоится опыт в больнице. Речь идёт о полной рабочей неделе, необходимой на подготовку эксперимента и анализ результатов. Кроме того, потребуется время на согласование деталей, потому я готов накинуть ещё пару дней. Таким образом, будем считать крайним сроком 31-го октября.

Я брезгливо поморщился. Почему именно к тридцать первому? Он что, решил приурочить окончание проекта к Хэллоину?

Каждый час на счету. С 1-го июня необходимо непосредственно приступить к...

И т.д., и т.п. в том же репертуаре. Зачем, интересно, поручать мне составление этого дурацкого плана? Может, просто сдать в качестве такового подшивку его собственных писем?

¹⁵ You never know, unless you try... – Не попробовав, никогда не узнаешь...

подавив раздражение, кое-как одолел остаток этой безбрежной трясины с заводами щедрейших советов, топиями уточнений и чавкающих болотной тиной наставлений. Дочитав, заставил себя проглотить пару безвкусных тостов, запил выдохшейся колой и завалился спать.

Вечером в самопринудительном порядке просмотрел Арикову корреспонденцию и составленные накануне наброски. Частично откорректировал сроки и ещё раз строго-настрого решил серьёзно обсудить с ним эту тему, прежде чем давать какие-либо обязательства. Засиделся допоздна, оттачивая отдельные фрагменты и производя предварительные расчёты. Перечитал всё сначала. Не удержался и, дав себе слово, что это последние правки, вновь принялся редактировать.

* * *

Alexander: *Ну чё? Как там твой безумный босс?*

Цуа: *Шлёт шифровки*

Шурик – мой старый университетский приятель. На самом деле это определение не совсем точно: к тому моменту, как мы познакомились, он уже закончил учёбу, но в память о прежних временах появлялся на сходках. Мы сблизились как раз в то время, когда я окончательно охладел к этим сборищам, и на сегодняшний день Шурик является практически единственным человеком из того периода, с кем я продолжаю общаться. А студенческая общественная жизнь, поначалу казавшаяся интригующей, превратилась в череду однообразных попок, где с наигранной бесшабашностью велись претенциозные разглагольствования, неизменно вращающиеся в узком кругу модных тем.

Alexander: *Из этого всего один вывод: он клинически болен!*

Цуа: *Absolutely))*

Ариэль ещё с первого интервью прочно занял верхушку нашего хит-парада. Частенько в ожидании посадки я, захлёбываясь от смеха, пересказывал особо пикантные перлы моего шефа. А его откровение на тему начальников-идиотов вообще превратилось в одну из моих коронных баек.

Alexander: *Я пытаюсь понять этот workplan – возникает ощущение, что это план нормальной компании на два года.*

Цуа: *Понравилось?*

Alexander: *Ага, потрясающе. Особенно Excel. Вот тут где-то было...*

Открыв файл, о котором успел забыть, я рассеянно блуждал по календарному графику workplan-а, простирающемуся на десятки квадратных метров, как вдруг высветилось оповещение о новом мейле. Да что ж такое! И действительно:

Илья!

Всесторонне взвесив ситуацию, я постановил, что проект займёт четыре с половиной месяца. Восемнадцать недель – крайний срок, который мы можем себе позволить, ввиду...

Alexander: *Прикинь, у него 14-го числа 21 пункт. Полное сумасшествие!*

Цуа: Эй, ау, Шурик

Цуа: Наш обезбашенный снова активизировался

Alexander: А он в курсе, что сегодня воскресенье?

Цуа: Не уверен

Alexander: И чего там?)

Цуа: Я выслал. Как тебе этот сюр?

Alexander: Ща гляну

Я сделал кофе и дочитал свежий образчик эпистолярного творчества моего шефа.

Alexander: М-да... Видно, он вообще с головой не дружит. Каждые два часа перекраивать! Это ж абсурд!

Цуа: Завихрения на почве излишнего рвения... Потолкуем – одумается. Он же не совсем...

Alexander: Совсем, братишка, совсем. Ну его, бросай всё и вали оттуда

Цуа: Ладно, посмотрим. Где ты видел на такой должности адекватных и уравновешенных?

Alexander: Да, но этот-то точно псих

Цуа: А я, типа, нормальный?

Alexander: Тебе возглавлять стартан пока не предлагают)

Цуа: Вот и славно, не то я таким же стану))

Глава 8

*Платон мне друг, но истина дороже.*¹⁶
Дон Кихот Ламанчский

- Это никуда не годится! – Ариэль презрительно отшвырнул мой workplan.
- Послушай, отведённые тобой сроки...
- Оставь сроки, я о содержании. Тут же ни черта не понятно! Вот ты пишешь... – он схватил и быстро перебрал листки. – Где это? Так, так... Вот: «Анализ характеристик отражённого сигнала». Что это? Я не понимаю! Как вообще из этой фразы можно что-либо понять?
- Изучение характеристик сигнала, – монотонно роняя слова, начал я, – включает спектральный анализ, выявление основных частот, а также исследование...
- Я знаю, что такое анализ! – взвился он. – Но почему этого нет в документе? План работы – это не пустая отписка, план должен быть чётким, детальным и са-мо-дов-леющим. – Оторвав одухотворённый взгляд от потолка, куда он воззрился, пока говорил о том, что есть workplan, Ариэль испытующе уставился на меня. – Учти и исправься. Дальше, во второй части, ты и вовсе ничего толком не объясняешь. – Он снова зашуршал бумажками. – «Разработка альтернативных фильтров». Каких фильтров? Альтернативных чему? Как будет проходить их разработка? Из каких этапов состоять?
- Альтернативных существующим. Тем, которые уже реализованы в системе.

Шеф истощил первоначальный запал и не спешил с ответом.

- Ариэль, давай разберёмся. Ты требуешь, чтобы я переделал всё с нуля плюс добавил новую функциональность. Как ты себе это представляешь в такие сроки?
- А в чём, собственно, проблема? – изумился он. – Первая часть сделана.
- Но ведь она работает кое-как!
- Думаешь, я не знаю! Не о том речь! Объясни лучше, почему твои описания столь поверхностны?

Я чуть не взвыл.

- Поначалу ещё куда ни шло, а дальше... Складывается впечатление, что, оставаясь дома, ты халатно относишься к своим обязанностям. Чем ты вообще занимался в выходные?

Хороший вопрос. Главное – своевременный.

- Ходил в музей, – брякнул я.
- Музей? – машинально переспросил Ариэль.

Причинно-следственная связь разрывается, и он на мгновение замирает.

- Какой ещё музей? – он мотнул головой, стряхивая оцепенение.
- Научный... Калифорнийский музей науки и техники.
- Зачем?

¹⁶ Перефразированное высказывание Аристотеля, который, в свою очередь, заимствовал похожую формулировку у самого Платона.

– Что? А... мм...

Действительно! Не в бровь, а в глаз. Я сделал витиеватый жест и пошевелил пальцами.

– Ну так... Посмотреть, вдохновиться...

Арик ошарашенно глядел на меня. В ажиотаже, охватывающем его во время внушения мне ума-разума, шеф имел обыкновение переть напролом, не придавая значения моим репликам. И теперь, опомнившись, пытался уяснить, как нас сюда занесло. Он таращился на меня несколько долгих секунд, а я, стараясь сохранить невозмутимый вид, упивался тем, как оголошал его на полном скаку.

– Так, Илья, – Ариэль сгрёб бумажки и разровнял, постукивая торцом о крышку стола. – Сейчас не время беседовать о твоём досуге. Вернёмся к теме. Где мы были?

– Ты объяснял, – я тоже подобрался, – что план должен быть самодовлеющим, а то, что я написал, – никуда не годится.

– Вот именно! Абсолютно никуда. Теперь так... – он вновь впился в уже порядком измятые страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.